БУХАРИН

КРИТИКА ЭКОНОМИЧ ПЛАТФОРМЫ ОППОЗИЦИИ

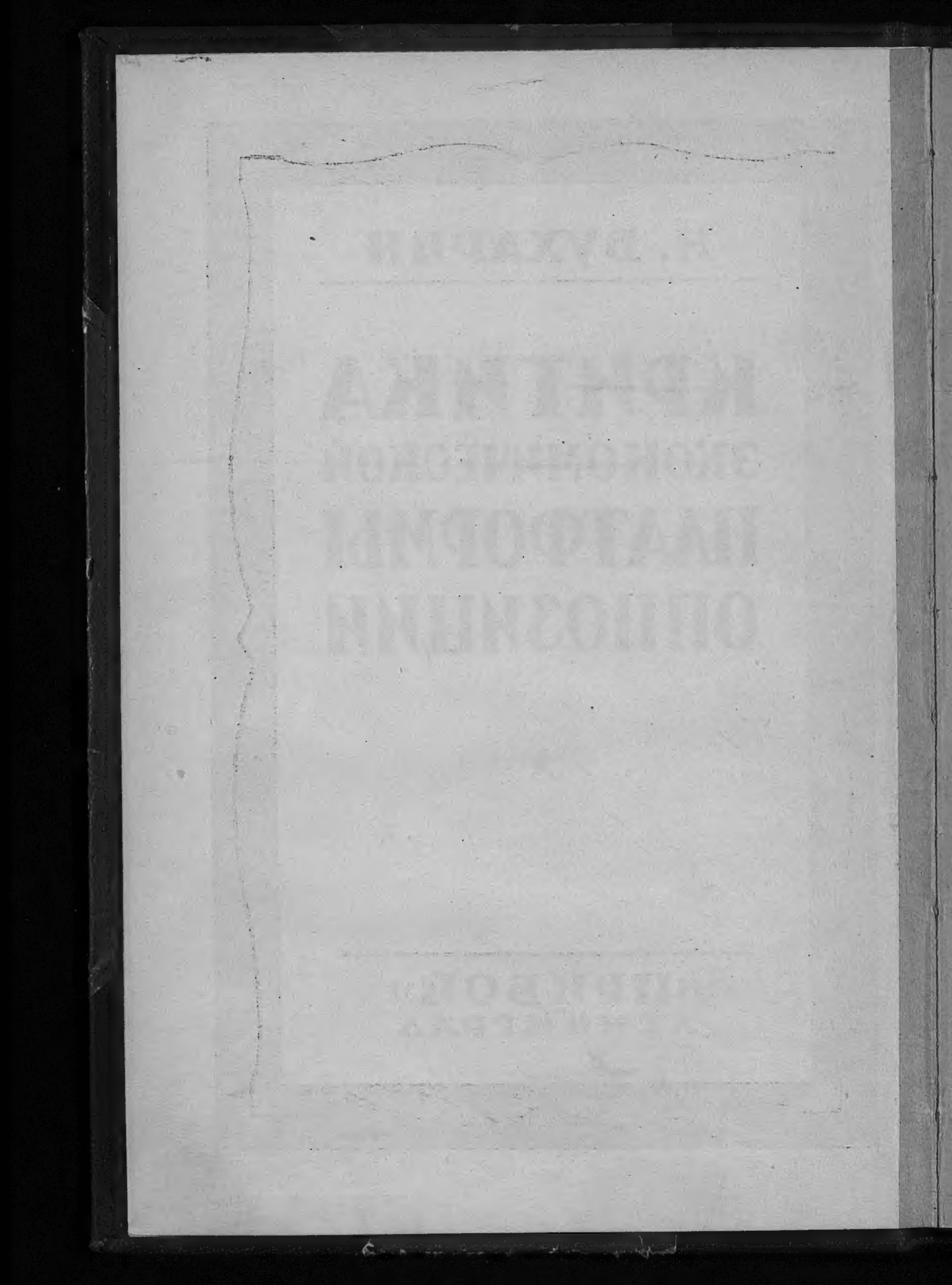

Н. БУХАРИН

КРИТИКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПЛАТФОРМЫ ОППОЗИЦИИ

«ПРИБОЙ»
ЛЕНИНГРАД

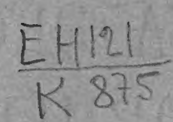
Н. БУХАРИН

КРИТИКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПЛАТФОРМЫ ОППОЗИЦИИ

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ»
ЛЕНИНГРАД

2-й из.

ТИПОГРАФИЯ
РАБОЧЕГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
„ПРИБОЙ“
имени
ЕВГ. СОКОЛОВОЙ
пр. Красн. Командиров 29
ЛЕНИНГРАД.

Ленинградский Гублит № 18720. Тираж 7.000—6 л. Зак. № 58.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В этой книжке издательство «Прибой» переиздает две статьи тов. Бухарина, написанные им в конце 1924 года и в начале 1925 года. Статьи эти направлены против экономической платформы троцкистской оппозиции 1923 года и ее теоретического обоснования тов. Преображенским.

Статьи тов. Бухарина не утеряли своего актуального значения потому, что объединенная внутрипартийная оппозиция в 1926 году в своих экономических разногласиях с партией стоит целиком на прежней экономической платформе троцкизма, продолжая линию оппозиции 1923 года. Этого не скрывают и сами сторонники оппозиции, выдвигающие против ЦК обвинение в неправильности экономической политики партии за все последние три года (т.-е. с 1923 года). Такие голоса из среды оппозиции раздаются уже и в нашей печати (см. дискуссионные статьи в журнале «Большевик» тт. Преображенского, Оссовского и др.).

Предложения, которые теперь оппозиция вносит по вопросам экономполитики, действительно, полностью идут по линии ошибок оппозиции 1923 года: высокие налоги на крестьянство, высокие промышленные цены и т. д. Перед нами возрождение отвергнутого партией (и опровергнутого жизнью) «сверхиндустриализма», который под звон фраз о необходимости чрезвычайного ускорения темпа индустриализация страны фактически предлагает срыв всего дела индустриализации. Вместе с тем, возобновлена и литературная пропаганда оппозицией «теории» тов. Преображенского.

Предлагаемые читателю статьи тов. Бухарина представляют из себя наилучшее, что имеется в партийной литературе по вопросу об экономической платформе троцкизма. Изучить эти статьи безусловно необходимо каждому партийцу, желающему разобраться в корнях идейных расхождений партии с оппозицией в вопросах экономполитики.

Тот факт, что оппозиция пытается возобновить внутрипартийный спор именно по экономическим вопросам, с особой настоятельностью выдвигает перед всеми членами партии задачи усиления и углубления теоретической учебы, — ибо в вопросах экономических малоподготовленному товарищу зачастую бывает более трудно разобраться, чем в общих политических вопросах. Особенно это сказывается тогда, когда заходит речь не только о конкретных мероприятиях в области экономполитики (налоги, цены и пр.), но и о теоретико-экономическом обосновании этих мероприятий (напр., выдвигаемый тов. Преображенским «закон первоначального социалистического накопления»). Вместе с тем, не только споры с оппозицией, но и положительные задачи партии в деле экономического строительства настоятельно выдвигают необходимость теоретико-экономической подготовки для каждого члена партии.

Статьи тов. Бухарина в этом отношении будут незаменимым пособием, тем более, что они, при всей серьезности затрагиваемых вопросов, написаны популярно.

Первая статья («Новое откровение о советской экономике, или как можно погубить рабоче-крестьянский блок») подвергает критическому разбору первую по времени написания (и наиболее принципиальную) статью тов. Преображенского из серии тех статей, которые последний объединил в изданной им теперь книге «Новая экономика». В этой книге разбираемая тов. Бухариным статья («О законе первоначального социалистического накопления») воспроизведена почти целиком. Изменения, сделанные Преображенским под давлением критики со стороны Бухарина (и др.), мало существенные. В частности, Преображенский отказался от «бьющих в нос» терминов «колонии» и «эксплуатация» в отношении крестьянства при диктатуре пролетариата. Вместо «эксплуатации», он говорит: «отчуждение» продукта у крестьян. Но, в то же время, он считает правильным говорить: «эксплуатация крестьянского хозяйства» (чем это отличается от эксплуатации крестьянства?).

Если первая из печатаемых здесь статей т. Бухарина дает критику общих теоретических «основ» оппозиционной экономической платформы, то вторая статья посвящена выяснению конкретных разногласий партии с оппозицией 1923 г. в практических вопросах экономполитики, увязке этих кон-

кретных разногласий с общими и проверке, на цифровом материале за 1923—24 гг. правильности взятого партией экономического курса.

Несмотря на то, что хозяйственные затруднения 1923 г. носили иной характер, чем затруднения 1925—1926 годов (тогда был кризис сбыта, сейчас — явления товарного голода), все же на тогдашних расхождениях партии и оппозиции не трудно проследить те две линии экономполитики, которые имеют своих защитников в нашей партии и сейчас.

Вместе с тем, в первой части этой статьи автор дает прекрасное положительное изложение вопроса об отношении диктатуры пролетариата и классах.

Ознакомление со статьями тов. Бухарина, несомненно, даст многое даже тому, кто в свое время, по выходе статей, их прочел. Сейчас, в новой обстановке, несравненно яснее видна глубина и значение расхождений 1923 года, правота партии, выдержанность и полная идейно-ленинская преемственность линии нашего ЦК в вопросах экономполитики. Тем яснее становится и беспринципность вождей «новой оппозиции», когда-то целиком солидаризировавшихся с этими статьями Бухарина, а теперь скатившихся идейно к троцкизму.

НОВОЕ ОТКРОВЕНИЕ О СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКЕ, ИЛИ КАК МОЖНО ПОГУБИТЬ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИЙ БЛОК.

(К вопросу об экономическом обосновании троцкизма).

Очень часто бывает, что какой-нибудь исторический поворот вызывает идейные споры, которые прорываются сперва по совершенно «случайному» поводу, развиваются по «случайным» направлениям и на первый взгляд представляют из себя нечто совершенно непонятное. Лишь через некоторое время откристаллизовываются определенные идеологические узоры, и последующий анализ без особого труда открывает совершенно определенные классовые или групповые общественные течения, имеющие совершенно определенное социальное значение и играющие совершенно определенную социальную роль.

Мы сейчас подошли вновь к некоторому поворотному пункту в развитии нашей революции. Конец блокады, ряд признаний; в то же время заминка в развитии международной революции. Начало довольно быстрого хозяйственного подъема, и в то же время новое сотношение между рабочим классом и крестьянством. Словом, — новая обстановка. Естественно, что в партии должна была получиться какая-то реакция на эту новую обстановку, и также естественно, что не сразу мы доходим до своего, так сказать, «самосознания».

Тов. Троцкий выступил с «Уроками Октября». Казалось бы, спор чисто литературный. Но этот литературный спор вырос в целую партийно-политическую кампанию. Было бы странным видеть здесь спор «лиц». Разве «лица» могли бы вдохнуть такую страстность в обсуждение, в дискуссию? Очевидно, что были и есть какие-то объективные моменты, которые способствовали спору, лежали в его основе

и которые показались в первый момент на поверхность в виде «литературной» полемики.

Так было. А теперь уже довольно ясно видно, что подняты глубочайшей важности принципиальные вопросы, которые являются решающими для всей нашей партии. Эти вопросы «сомкнулись» с объективным положением в стране. Они «соответствуют» этому положению, они вырастают отсюда. Вот почему вся партия сейчас мучительно разбирает такие, казалось бы, «непрактические» проблемы, как вопрос о «перманентной революции». Новая обстановка вызывает потребность в продуманной ориентации. А так как новая обстановка складывается по основным линиям развития (внешний мир, хозяйство, классы в стране), то немудрено, что партия поднимает некоторые общие вопросы: это и есть выражение генерального продумывания и обдумывания нашего пути.

Это обстоятельство находит свое выражение в том, что отдельные проблемы и отдельные разногласия увязываются сейчас в основные «теоретические» узлы, в целые системы мыслей, в более или менее стройные «теории». То, что в прошлую дискуссию было разбросано по клочкам: денежная рефрома и вопрос о поколениях в партии, вопрос о ценах и об «аппаратчиках», вопрос о «ножницах» и «внутрипартийной демократии», вопрос о «плане» и о «товарной интервенции», — все это теперь сводится к некоторым основным линиям, упирается в такие общие проблемы, как теория перманентной революции, оценка движущих сил нашей революции, общая оценка ее перспектив и т. д. А осью, около которой вертятся все эти сами по себе крупнейшие вопросы, является проблема рабоче-крестьянского блока.

Учение о рабоче-крестьянском блоке есть существеннейшая оригинальная черта ленинизма. Совершенно напрасна всякая попытка увернуться от ответа на вопрос о том, верно или неверно учение Ленина, верна или неверна линия большевистской партии. Тут нужно выбирать. Вот почему партия реагировала так бурно на работу тов. Троцкого: она увидела здесь — и совершенно справедливо увидела — попытку пересмотреть основы ленинского учения.

Эти попытки делались и раньше. Но они проходили незамеченными: время было военное, и все задачи стояли,

как задачи непосредственного боевого действия. Гораздо сложнее стали они теперь, именно теперь. И понятно, что когда, под предлогом извлечения «Уроков Октября», партии стремятся дать изрядную дозу антиленинских порошков, она, партия, резко протестует.

У нас пока известное затишье в революционном движении. По Ленину, эта вещь не смертельная; мы медленной дорогой пойдем себе помаленечку вперед, таща за собой крестьянскую колымагу. Ленин, ведь, не рассуждал по схеме: пролетарская революция, когда много промышленности, гибель пролетарской революции, когда страна мелкобуржуазна. Не раз он подчеркивал всю оригинальность нашей революции, особое сочетание исторических условий, которые дали нам победу (см., напр., его заметки по поводу книжек Н. Суханова). А тов. Троцкий? А тов. Троцкий видел одну гибель, если скоро не придет мировая революция. Почему?

Потому, что была основная разница, разница в оценке движущих сил.

Ведь еще в 1922 г. тов. Троцкий настаивал на правильности своей теории «перманентной революции», писал, что пролетариат после захвата власти «придет во враждебное столкновение не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах его революционной борьбы, но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти. Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти свое разрешение только... на арене мировой революции пролетариата» («1905 г.», предисл., стр. 4 и 5).

Ленин учил: конфликт рабочего класса с крестьянством вовсе не неизбежен. Троцкий учит: конфликт этот обязателен. Ленин учил: наше спасение в том, чтобы ужиться с мужиком, и это вполне можно сделать и, даже при самом долгом сроке западных побед, удержаться и укрепиться. У Троцкого другое: гибель пролетариата неизбежна, если не будет скоро мировой победы; пролетариат погибнет под ударами со стороны «широких масс крестьянства», которые когда-то помогали ему победить. У Ленина крестьянство на всем протяжении переходного периода должно явиться неизбежным союзником рабо-

чего класса, хотя и ворчливым; у «перманентников» оно обязательно должно превратиться во врага. У Ленина отсюда вытекает — и с этим связана — своеобразная теория «аграрно-кооперативного» социализма; у сторонников другой позиции совсем *иное* представление о путях нашего дальнейшего развития.

Разве не ясно, что при таком коренном различии оно, это различие, будет неизбежно проглядывать в целом ряде самых разнообразных вопросов? Конечно. Но теперь уже делаются попытки свести воедино эти «особенности», эти отклонения от ленинской линии. Мы хотим здесь разобрать *экономическую* сторону антиленинской концепции. Она дана в работе тов. Преображенского: «Основной закон социалистического накопления» («Вестник Комм. Академии», кн. 8). Эта работа, интересная по замыслу и по постановке вопроса, в то же самое время теоретически исходит из предпосылок, родственных предпосылкам тов. Троцкого (данное обстоятельство показывает лишь, что здесь дело не только, а может-быть, и не столько в лицах). Следовательно, она исходит из теоретически *неверных* предпосылок. В то же время она делает и ряд практически-политических выводов, выводов крайне опасных для нашей партии, рабочего класса, всей страны. На критике этой теоретической работы, как на *примере* неверной, совсем не пролетарской, а трэд-юнионистской, цеховой идеологии, нам и хотелось бы остановиться в нашей работе.

1. КОММУНИЗМ ИЛИ «ЦАРСТВО ПРОЛЕТАРИАТА»?

Основной закон социалистического накопления, открытый тов. Преображенским, гласит:

> «Чем более экономически-отсталой, мелкобуржуазной, крестьянской является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства, чем менее то наследство, которое получает в фонд своего социалистического накопления пролетариат данной страны в момент социальной (социалистической? **Н. Б.**) революции, — тем больше социалистическое накопление будет вынуждено опираться на *эксплуатацию* досоциалистических форм хозяйства, и тем меньше будет удельный вес накопления на его собственной производствен-

ной базе, т.-е. тем меньше оно будет питаться прибавочным продуктом работников социалистической промышленности. Наоборот, чем более экономически и индустриально развитой является та или другая страна, в которой побеждает социальная (социалистическая? **Н. Б.)** революция, чем больше то материальное наследство, в виде высокоразвитой индустрии и капиталистически организованного земледелия, которое получает пролетариат этой страны от буржуазии после национализации, чем меньше удельный вес в данной стране капиталистических форм производства, и чем более для пролетариата данной страны является необходимым уменьшить *неэквивалентность обмена своих продуктов на продукты колоний*, т.-е. уменьшить *эксплуатацию последних*, — тем более центр тяжести социалистического накопления будет перемещаться на производственную основу социалистических форм, т.-е. опираться на прибавочный продукт собственной промышленности и *собственного земледелия*» (вся разрядка моя. **Н. Б.).**

Такова дословно выписанная формулировка «основного закона», данная тов. Преображенским. Здесь мы *пока* не трогаем «закона» по существу. Но мы обращаем внимание на следующие *два* положения тов. Преображенского, которые на первый взгляд кажутся лишь терминологической неточностью или же своеобразным литературным кокетством.

Первое положение: социалистическое накопление идет в той или иной мере за счет *эксплуатации* мелких производителей.

Второе положение: эти мелкие производители (т.-е. совокупность их хозяйств) есть не что иное, как *колонии* пролетарской промышленности [1]. Вот на этих утверждениях тов. Преображенского нам и нужно, прежде всего, остановиться. Мы здесь имели бы полное право закричать «караул!» — до такой степени противоречат эти «словесные

[1] Из изложения тов. Преображенского не совсем ясно, входят сюда крестьяне только *бывших колоний* или *все* мелкобуржуазные хозяйства. По существу это мало меняет дело, ибо, например, у нас, за исключением Великороссии, сюда войдет огромное количество крестьян. Не подлежит сомнению, что тов. Преображенский у рабочего государства видит *колонии*.

ярлычки» всем традициям нашей марксистско-ленинской теории. Но мы полагаем, что, пожалуй, гораздо лучше спокойно разобрать их и посмотреть, что же скрывается за этими ярлычками и почему эти ярлычки по сути дела есть не что иное, как выражение целой системы своеобразных взглядов на значение и судьбы рабоче-крестьянского блока.

Тов. Преображенский в одном месте своей работы пишет:

> «Только при полной беззаботности насчет теории можно в социалистическом протекционизме видеть полную аналогию с протекционизмом капиталистическим» (стр. 90).

Это замечание совершенно правильно. Но тов. Преображенский сам обнаруживает «полную теоретическую беззаботность», когда он без всякой критики и без всяких оговорок употребляет вопиюще-неправильные обозначения и играет аналогиями. Впрочем, как мы покажем ниже, здесь не только простая «игра».

Возьмем прежде всего вопрос об эксплуатации пролетариатом мелких производителей. Тов. Преображенский именно так и изображает дело: рабочий класс сидит верхом на мелких производителях. Отношение между основными классами рабоче-крестьянского, двухклассового (в основном) общества есть, следовательно, отношение эксплуатации. Эксплуататорским классом является пролетариат (и это очень хорошо экономически), эксплуатируемым — класс мелких производителей. И чем более отсталой является страна, проделывающая социалистический переворот, тем более ярко виден эксплуататорский характер пролетариата, и, следовательно, тем более эксплуатируемым является мелкий производитель.

Не правда ли, смело нарисованная картина? А, ведь, она неизбежно получается, если принять всерьез (а научные исследования, мы полагаем, пишут всерьез) формулировки тов. Преображенского.

Получает ли социалистическая промышленность добавочные ценности в фонд накопления со стороны мелких производителей? Да. Это не подлежит никакому сомнению. Есть ли здесь, таким образом, переход ценностей из рук одного класса в руки другого, господствующего? Да.

И это не подлежит никакому сомнению. Но можно ли это своеобразное отношение, используя грубейшим образом аналогию с капиталистическим обществом («теоретическая беззаботность»), назвать отношением эксплуатации? Можно ли на этом основании назвать пролетариат эксплуататорским классом (что неизбежно вытекает из предыдущего положения)?

Нет! И тысячу раз нет! И вовсе не потому, что это «плохо звучит», или что у нас здесь обнаруживается трусость мысли перед фактами, которые мой храбрый друг смело называет их собственными именами. А потому, что такие «имена» не соответствуют — мало того, противоречат — объективной действительности и нашим историческим задачам.

В самом деле. Возьмем действительное и бесспорное отношение эксплуатации, напр., капиталистическую эксплуатацию. Это есть определенное производственное отношение, выражающее определенный способ производства. Класс капиталистов получает прибавочную ценность. Производство есть производство прибавочной ценности. Весь процесс в целом постоянно воспроизводит — и притом на расширенной основе—это отношение эксплуатации. Другими словами функция накопления состоит здесь в том, что постоянно воспроизводится отношение эксплуатации. Переход ценности из рук одного класса в руки другого класса постоянно расширяет классовую противоположность, постоянно воспроизводит отношение между капиталистическим господином и его наемным рабом. То же самое мы видим в любом эксплуататорском обществе. Повторяем: в любом.

А что выражает переход ценностей от мелких производителей в руки пролетарской промышленности? Он выражает прямо противоположную тенденцию, а именно тенденцию к преодолению противоположности между городом и деревней, между пролетариатом и крестьянством, между социалистическим и мелкобуржуазным хозяйственным кругом. Ибо мы идем вовсе не к закреплению междуклассовых отношений, а к их уничтожению. И чем быстрее идет накопление в социалистическом хозяй-

ственном круге и его становящейся социалистическою периферии, тем быстрее идет и уничтожение противоположности.

Можно ли этот процесс назвать процессом эксплуатации мелких производителей? Нельзя. Ибо это и значит упускать все своеобразие процесса, не понимать его объективного значения, играть в аналогии, обнаруживать, говоря словами автора, «теоретическую беззаботность». А упускать своеобразие процесса, в свою очередь, значит не понимать его исторической сущности. Это — очень большой, можно сказать «смертный» грех в теории, «грех», который должен обязательно отразиться на практических, прикладных построениях «грешника».

Перейдем теперь к вопросу о «колониях». Тов. Е. Преображенский берет, повидимому, понятие колонии, как совокупности «третьих лиц» (народническо-люксембургианское обозначение некапиталистических производителей в капиталистической системе). Можно, конечно, спорить, верно ли это обозначение в применении к капиталистическому строю, или оно не подходит и к нему. Но это — вопрос особый, и нам его здесь нечего ставить и тем более разбирать. Не так существенно и то, понимает ли тов. Преображенский под колониями совокупность мелкобуржуазных хозяйств, действительно входивших в состав колоний, или всех мелкобуржуазных хозяйств. Суть же в том, что тов. Преображенский применяет этот термин, ни капли не смущаясь, к эпохе пролетарской диктатуры. Другими словами, в эту эпоху, с экономической точки зрения, мы, по тов. Преображенскому, имеем в социалистической промышленности пролетарскую «метрополию», в хозяйстве крестьянства (хотя бы и не всего) — мелкобуржуазные «колонии». Отношение рабочего класса к крестьянству построено и тут по типу отношений плантатора к колониальному объекту эксплуатации. Как мы видим, эта «точка зрения» вполне «увязана» с рассуждением тов. Преображенского об «эксплуатации». Другими словами, здесь не случайные обмолвки, не lapsus linguae, не «неудачное выражение»; у тов. Преображенского есть своя последовательность, есть своя логика; но эта «логика» и эта «последовательность» есть логика и последовательность систематически развиваемой ошибки.

В самом деле, в чем сущность понятия колонии? В том, что она (колония) есть объект эксплуатации; в том, что ее развитие систематически *задерживается* в интересах «метрополии»; в том, что она является, при всех и всяких обстоятельствах, объектом экономического и политического порабощения. Никогда колония не выступает в качестве союзника «метрополии», никакая «метрополия» не ставит себе задачей поднять колонию до своего собственного уровня и т. д.

Но раз это так, — а это именно так, — то прямо комично определять крестьянское хозяйство и мелкобуржуазную хозяйственную периферию вообще, как колонию пролетарской промышленности. Это до такой степени очевидно, что вряд ли нужно развивать нашу мысль дальше.

Только в *одном* случае формулировки тов. Е. Преображенского оказались бы правильными. А именно тогда, когда речь шла бы не о движении к бесклассовому коммунистическому обществу, а к закреплению навеки пролетарской диктатуры, к консервированию господства пролетариата, и притом к его *вырождению* в действительно эксплуататорский класс. *Тогда* понятие эксплуатации было бы безоговорочно правильно в применении к такому строю. Равным образом было бы правильным также и обозначение мелкобуржуазного крестьянского хозяйства, как, с позволения сказать, «пролетарской» колонии.

Но страшен сон, да милостив бог. Своеобразная цеховая, трэд-юнионистская система взглядов, которая сквозит в статье тов. Преображенского, к счастью, не опирается на реальную практику. Это лишь некоторый индивидуально-теоретический вывих, который не пользуется — по крайней мере, сейчас — кредитом в наших рядах.

2. «ПОЖИРАНИЕ» МЕЛКОБУРЖУАЗНОГО ХОЗЯЙСТВА ИЛИ ЕГО ПЕРЕДЕЛКА?

Относительно связи между социалистической промышленностью и частным хозяйством (т.-е., в первую очередь, мелкобуржуазным) тов. Преображенский, между прочим, пишет, что нелепо считать, будто «социалистическая система и система частнотоварного производства, включенные в одну систему национального хозяйства, могут существовать рядом

одна с другой на основе полного экономического равновесия между ними. Такое равновесие длительно существовать не может, потому что одна система должна пожирать другую. Здесь возможны: либо деградация, либо развитие вперед („развитие назад“ не есть развитие. **Н. Б.),** но невозможно стояние на одном месте» (стр. 78).

Если сопоставить это место с концом формулы «основного закона», где тов. Преображенский говорит о «собственном (т.-е. пролетарском) земледелии», то у нас будет достаточно ясное представление о том, как мыслит себе автор «основного закона» неизбежную победу социалистического режима в хозяйстве. Госпромышленность разрушает и вытесняет («пожирает») мелкое хозяйство деревни, которое замещается (каким образом, — пока еще не совсем ясно) «собственным земледелием» пролетариата. Мелкое хозяйство разрушается («пожирается») путем систематической эксплуатации (неэквивалентный обмен, налоги и различные средства внеэкономического давления), а пролетариат действует по аналогии с рыцарями первоначального накопления.

Если бы перспектива была (вернее, если бы она могла быть) такой, какой ее рисует тов. Преображенский, то поистине странными являются наши заботы о крестьянском хозяйстве. Но, впрочем, эту тему развивать здесь рано. Перейдем прямо к делу. Правда ли, что мы обязательно пойдем через разрушение («пожирание») сельско-хозяйственного мелкого производства? Верно ли это?

Мы думаем, что в корне неверно. Мы думаем, что эта совершенно неленинская (я говорю это отнюдь не для полемики в скучно-мелком смысле этого слова) постановка вопроса абсолютно не отвечает наметившимся путям развития в сторону социализма.

Что мы выдвигаем сейчас, и на что мы ориентируемся в первую голову? На госторговлю и кооперацию. Какой план выдвинул Ленин, какую гениальную линию политики он дал для превращения мелкого производителя в члены будущей социалистической общины? Кооперативное объединение крестьян под руководством не буржуазии, а пролетарского государства, с его банками, с его кредитом, с его промышленностью и транспортом и т. д. и т. п. Согласен с этим планом тов. Преображенский или нет?

Если он не согласен, тогда он обязан был выставить ряд доводов против «утопичности» (или чего другого,— мы уж не знаем) этого плана. Если он согласен, тогда все его построение никуда не годится.

Ибо, ведь, ясно, «как апельсин», что в этом случае речь идет вовсе не об уничтожении, вовсе не о пожирании (путем «эксплуатации» и на манер периода первоначального накопления), а о постепенной переделке крестьянских хозяйств на основе их экономического роста. А это— песня из совсем-совсем другой оперы, отнюдь не оттуда, откуда доносится «ужасно-пролетарская» (а на самом деле цеховая) «песнь» тов. Преображенского.

И здесь у тов. Преображенского та же игра в аналогии с капиталистическим развитием. И здесь тов. Преображенский совршенно не понимает основного своеобразия процесса как раз для таких аграрно-крестьянских стран, о которых он в первую очередь и рассуждает. К социалистическому производству на земле мы придем не путем вытеснения крестьянских хозяйств советскими хозяйствами на почве разорения крестьянских хозяйств, а совершенно иным путем, а именно путем вовлечения крестьянства в кооперацию, связанную с нами и зависимую экономически от государства и его институтов; мы придем к социализму здесь через процесс обращения, а не непосредственно через процесс производства; мы придем сюда через кооперацию [1].

Как упомянуто, тов. Преображенский не ставит даже этого вопроса, хотя ленинские статьи были весьма убедительны.

«Черного и белого не покупайте,
„Да“ и „нет“ не говорите».

Тов. Преображенский не говорит ни «да» ни «нет» открыто.

По существу же он говорит «нет».

Однако, у него есть одно характернейшее местечко, где это «нет» звучит довольно открыто, хотя и не без робости. Вот что пишет тов. Преображенский по этому поводу:

---

[1] Здесь указан лишь основной процесс; само собой разумеется, что и сел.-хоз. коммуны, и артели, и другие производственные объединения тоже будут делать свое дело.

«Что ... касается непосредственных взаимоотношений между государственным хозяйством и мелкобуржуазным способом производства, то такие отношения вполне возможны и должны внести нечто столь же новое в экономическую историю человеческого общества, как и вся новая социалистическая экономика вообще. Подчиняя себе нео-капитализм, государственное хозяйство подчиняет себе и *его* (sic) подчиненных, т.-е. те элементы простого товарного производства, на которых этот капитализм второго издания возникает. *Но рядом с этим* неизбежна целая система непосредственных взаимоотношений между мелким производством и государственным хозяйством. Сущность этих взаимоотношений должна определяться следующим. Мелкое производство разбивается на три части. Одна часть *остается* мелким производством; другая — *кооперируется капиталистическим* путем; третья — в обход этого последнего процесса, объединяется на основах *какой-то* (!) *новой кооперации*, представляющей из себя особый тип перехода мелкого производства к социализму не через капитализм и *не через простое поглощение мелкого производства государственным хозяйством.*

«Эта новая форма кооперации при диктатуре пролетариата, одним из ручейков которой являются, повидимому, крестьянские коммуны и артели, еще должна только развиться. Мы не можем, поэтому, давать теоретический анализ того, что еще не существует, а только должно возникнуть» (стр. 100—101).

Вот и все. C'est tout.

Прежде всего, здесь нас поражает скромность велия тов. Преображенского, — прямо хоть святым его на небо возноси: он не полемизирует с Лениным, который выставил ведь определенный громадный план, являющийся в то же время *теоретическим предвидением*; он «просто» заявляет, что нельзя давать теоретический анализ «того, что еще не существует, а только должно возникнуть». По-нашему, это—увертка. Ибо, вот мы в нашей стране *только-только* приступили к социалистическому накоплению (не так ли?), в других странах это лишь «должно возникнуть». А тем не менее, тов. Преображенский уже поспешил ведь

вывести «основной закон» (основной — имейте в виду!) этого социалистического накопления. А этот основной закон говорит о движении накопления, о накоплении в разных странах и проч. Так что совершенно напрасно тов. Преображенский так уже скромничает. Не кругло это выходит у него!

Ну, а по существу?

По существу, эволюция крестьянского хозяйства идет у тов. Преображенского по трем направлениям:

1. Мелкое хозяйство «остается» мелким хозяйством.

2. Мелкое хозяйство через капиталистическую кооперацию становится капиталистическим.

3. Мелкое хозяйство кооперируется неизвестным пока социалистическообразным путем, при чем зародышем этого является с.-х. артель и коммуна.

Мы, прежде всего, с изумлением констатируем, что здесь нет места для ленинской кооперации, ведущей крестьянство к социализму. Здесь нет кооперации в обращении, через которую, при помощи наших командных высот, мы втаскиваем массу крестьянства в общесоциалистическую хозяйственную систему. Вместо этого тов. Преображенский выставил второстепенные по своему значению непосредственно производственные «с.-х. коммуны». Слона тов. Преображенский не приметил.

Далее, кого же государственное хозяйство будет «пожирать»?

Очевидно, не коммуны.

Капиталистически кооперированных крестьян? Но таких будет лишь некоторое меньшинство.

Следующий главный метод настоящей хозяйственной «социализации» есть метод «пожирания» («простое поглощение мелкого производства государственным хозяйством», как в этой связи выражается тов. Преображенский). И это есть метод по отношению к главной массе мелких производителей.

Нужно ли говорить, что это — самая настоящая утопия? Тов. Преображенский и здесь не видит своеобразия тех путей, которые даны вместе с пролетарской диктатурой. Тов. Преображенский думает, что законы эволюции сельского хозяйства при власти пролетариата остались теми же, что и при капитализме. На самом же деле, «некапиталисти-

ческая эволюция», которую проповедывали некоторые писатели при *капитализме* («кооперативно-аграрный социализм») становится *реальностью* при *диктатуре пролетариата*. Если в условиях буржуазной власти, буржуазных банков, капиталистического кредита, капиталистических организаторских кадров и гегемонии капиталистической идеологии в стране, кооперативные организации крестьянской *массы* (даже *массы*) неизбежно «врастали» в капитализм, то совсем иное будет, совсем не туда будут «врастать» (и уже фактически «врастают») эти организации при *пролетарских* командных высотах, при пролетарской власти, банках, кредите, промышленности, кадрах, господствующей идеологии и т. д.

Этого не понял тов. Преображенский. Но и здесь у него есть своеобразная логика: «эксплуатации», «колониям» и т. д. вполне соответствует и идея «пожирания». Это опять совсем не из той оперы, не из ленинской оперы, тов. Преображенский!

3. КЛАССОВОЕ ПОРАБОЩЕНИЕ ИЛИ КЛАССОВЫЙ СОЮЗ И КЛАССОВОЕ РУКОВОДСТВО.

Рассматривая соотношение сил в такой стране, как СССР, нужно понять, что диктатура пролетариата означает *одно* отношение между пролетариатом и буржуазией и *другое* отношение между пролетариатом и крестьянством. Пролетариат *господствует* над буржуазией. Но пролетариат *руководит* крестьянством, используя при этом и свою концентрированную власть. Рабочий класс «*опирается*» на крестьянство, и поэтому его диктатуру нельзя рассматривать в ее отношении к крестьянству *по тому же типу*, что диктатуру буржуазии над пролетариатом. А именно так по сути вещей рассматривает дело тов. Преображенский.

Государство у нас в точном смысле не «рабоче-крестьянское», а рабочее. Но рабочее государство опирается на крестьян, — отношение очень своеобразное, и в этом своеобразии его нужно «теоретически схватить».

Как раз этого своеобразия и не схватывает тов. Преображенский.

Весь его анализ построен на аналогии с периодом первоначального накопления капитала. Там был грабеж кре-

стьян, — и здесь «эксплуатация». Там на основе этого грабежа утверждались предпосылки для расцвета нового порядка вещей, — и здесь закон социалистического накопления требует аналогичных предпосылок. Там было катастрофически-быстрое «пожирание» старых форм, — и здесь то же самое. И т. д.

Словом, совсем как в самых порядочных семьях!

Но только на самом-то деле все обстоит не так просто и «мило», как изображает сие тов. Преображенский.

Мы до сих пор останавливались на этом вопросе с точки зрения анализа различных хозяйственных форм. А теперь мы поставим резко вопрос под углом зрения классовых соотношений.

Тов. Преображенский исходит из того, что он проводит аналогию между отношением рыцарей первоначального накопления к мелкому производителю и отношением к нему со стороны пролетариата.

Но разве это вообще не чудовищная аналогия? Опять-таки мы говорим это не из страха перед реальными фактами и их возможным «нехорошим» привкусом, а просто-напросто из желания хоть какой-нибудь близости к объективной действительности.

Мы кричим на все лады о рабоче-крестьянском союзе, блоке и т. д. Ведь до сих пор никто не говорил против этого блока. Ведь это как будто считается аксиомой в наших рядах. Не так ли?

А где и когда в эпоху первоначального накопления капитала была речь о блоке между рыцарями этого накопления и их жертвами? Пусть кто-нибудь укажет хоть что-либо подобное?

Никто не укажет. Ибо указать нельзя. Ибо само предположение такого блока есть абсурдное предположение.

А рабоче-крестьянский блок у нас был, есть и, мы надеемся, будет реальностью.

Как же можно делать такие аналогии? Как же можно на их основе строить целые теории, а потом — мы увидим это ниже — определять линию экономической политики пролетарского государства?

И опять: и эта «аналогия» тов. Преображенского «увязана» с его вышеразобранными утверждениями. (Нетрудно

видеть, что если бы партия прониклась такой «преображенской» идеологией, она разрушила бы основу своей собственной силы — рабоче-крестьянский блок).

Если уж искать аналогий в буржуазном обществе, аналогий с отношениями между рабочими и крестьянами, то нужно искать этих аналогий совсем не там, где их ищет тов. Преображенский. Постараемся найти их сами.

Сейчас у рабочего класса власть и промышленность; у крестьянина — фактически — земля и сельское хозяйство[1]; крестьянин — продавец с.-х. продуктов и покупатель продуктов промышленности; рабочий, в общем, — наоборот. Непосредственные интересы сталкиваются именно по этой линии. Крестьянин к тому же — остаток старинного времени, хотя и громадный по своему удельному весу «остаток».

Это похоже вовсе не на отношение между рыцарями накопления и крестьянами. Это похоже на отношение между промышленной буржуазией и землевладельцами в определенный период развития их отношений, хотя, конечно, даже здесь аналогия крайне условна и идет далеко не по всем направлениям.

У буржуазии — власть и фабрики. У землевладельцев — земля. Противоречие интересов идет по линии цен. Отсюда их борьба, иногда, при определенных условиях, довольно острая. Но в то же время (мы говорим о периоде власти буржуазии) есть блок, союз капиталиста и помещика против рабочего класса. Буржуазия руководит этим блоком, буржуазия опирается на землевладельцев и поддерживается ими.

Какова же была за последнее время эволюция этих классов? Она заключалась в том, что чрез процессы обращения, через банки, через форму акционерных компаний и т. д., и те и другие (т.-е. и промышленные капиталисты и землевладельцы) в значительной мере стали превращаться в нечто единое, в получателей дивиденда. Дивиденд стал, так сказать, синтезом прежде разнокалиберных видов дохода, — такова, по крайней мере, была

---

[1] Хотя то обстоятельство, что земля юридически есть собственность рабочего государства, играет громадную роль.

(и есть) основная тенденция развития в разбираемой сфере отношений.

Нечто формально сходное будет происходить, — если брать широкие исторические масштабы, — и с рабоче-крестьянским блоком. По мере того как через процесс обращения крестьянское хозяйство будет все более и более втягиваться в социалистическую орбиту, будут стираться классовые грани, которые потонут в бесклассовом обществе.

Разумеется, это — музыка будущего. Разумеется, на очереди дня стоят сейчас иные проблемы. Но нам нужно видеть перспективу, чтобы знать, куда мы хотим «гнуть» свою линию. И та перспектива, из которой исходит тов. Преображенский, в корне неправильна.

4. РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИЙ БЛОК И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ «ПОЛИТИКА» ТОВ. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО.

Из вышеприведенных теоретических соображений тов. Преображенский делает и соответствующие практически-политические выводы. «Установив», что неизбежно «пожирание» несчастных «третьих лиц», т.-е. обитателей «унутренних и унешних колоний», тов. Преображенский пишет:

№ 1. Стр. 79.

> «Таким образом, мы подходим к третьему, не только возможному, но неизбежному в наших условиях случаю, т.-е. к политике цен, сознательно рассчитанной на эксплуатацию частного хозяйства во всех его видах».

Извиняюсь перед читателем за последующие километрические выписки, мы все же вынуждены их сделать для того, чтобы добросовестно проследить ход мыслей тов. Преображенского. Для удобства последующей критики, обозначим отдельные положения автора специальными номерками, начиная с вышеприведенной цитаты.

№ 2. Стр. 59.

> «Во всяком случае, мысль о том, что социалистическое хозяйство может развиваться само, не трогая ресурсов мелкобуржуазного, в том числе крестьянского, хозяйства, является, несомненно, реакционной мелкобуржуазной утопией. Задача социалистического государства заключается здесь не в том, чтобы брать

с мелкобуржуазных производителей меньше, чем брал капитализм, а в том, чтобы брать больше из еще большего дохода, который будет обеспечен мелкому производству рационализацией всего, в том числе мелкого хозяйства страны».

№ 3. Стр. 69—70.

То, что будет отбито от частной торговли, при прочих равных условиях будет завоевано в фонд государственного хозяйства. Я говорю: при прочих равных условиях, потому что здесь возможна торговая политика и не в интересах социалистического накопления, а в интересах мелкобуржуазных производителей, имеющая своей целью сокращение вычетов из их доходов. Целесообразна ли такая политика, — это вопрос другой (!). Экономически же она означает, несомненно, сокращение фонда социалистического накопления и подарок частному производству, — подарок тем более тяжелый для государственного хозяйства, чем беднее это хозяйство капиталами и чем менее выгодно для него занимать в филантропической (!) по своей доходности торговле часть тех капиталов, которых не хватает в самом производстве» (разрядка самого автора. **Н. Б.**).

№ 4. Стр. 99.

«Власть пролетарского государства, которая распространяется на прибавочный продукт частного хозяйства (конечно, в пределах экономически возможного и **технически досягаемого**), не только является сама орудием первоначального накопления, но и постоянным резервом этого накопления, так сказать, потенциальным фондом государственного хозяйства» (разрядка наша. **Н. Б.**).

Итак: 1) нужно вести политику высоких цен для эксплуатации крестьянского хозяйства (что важно с точки зрения социалистического накопления); 2) здесь нужно (№ 4) брать все то, что брать экономически возможно и что можно технически достать; 3) под «экономически возможной» (в высшей степени неясное выражение) политикой необходимо, однако, разуметь такую политику, которая никак не ставит своей целью брать меньше, чем брал капитализм;

4) такая политика была бы мелкобуржуазной, была бы подарком крестьянину, ущербом для промышленности, а вместе с нею и для дела социализма. Вот концепция тов. Преображенского в области «политики цен». «Бери дороже!» — вот вся премудрость, основывающаяся на «основном законе» тов. Преображенского.

Возьмем под критическую лупу эту премудрость преображений тов. Преображенского «партийной» политики.

Присмотримся к цитате № 2 насчет мелкобуржуазной политики нашей партии (ибо всякий видит, что тов. Преображенский спускает с тетивы критическую стрелу своего анализа именно в действительную политику нашей партии). Мысль тов. Преображенского состоит здесь из двух положений. Первое: нельзя руководствоваться целью брать меньше, чем брал капитализм, и второе: мы будем брать больше, ибо доход крестьянина будет больше, а будет он больше потому, что его хозяйство будет более рациональным, а стало-быть, и более доходным.

Во втором положении тов. Преображенского есть много здравого смысла, в хорошем значении этого слова. Но это второе положение противоречит всему остальному, является невольной данью ленинскому учению, данью, затерявшейся в горе антиленинских построений автора.

В самом деле. Если тов. Преображенский думает, что мы будем брать больше, ибо доходы крестьянского хозяйства будут больше («рационализация» и т. д.), то как же это примирить с теорией «пожирания»? Ведь, здесь вопиющее противоречие, и притом отнюдь не диалектическое, а совершенно плоское!

Что-либо одно из двух: или ведется линия «колониальная» — на эксплуатацию, на вытягивание всего «технически достижимого»; тогда мы будем иметь хирение крестьянского хозяйства, падение его дохода, исчезновение и разрушение крестьянского хозяйства, его «пожирание». Но тогда неоткуда появиться «большему доходу», «рационализации» и прочему, что в двух строчках обещает «милостивец» тов. Преображенский мелкобуржуазным производителям.

Или пролетарское государство действительно может больше получить на основе растущей рационализации и растущей доходности крестьян-

ского хозяйства. Это — действительно правильная политика. Но тогда все — или почти все — положения тов. Преображенского нужно перевернуть. Никакого «пожирания» мелкобуржуазных хозяйств не будет (само собою разумеется, что мы здесь говорим о главной массе середняцкого хозяйства, и что это не исключает частичного исчезновения мелких хозяйств в связи с выталкиванием избыточного населения в города и процессом пролетаризации, каковой будет происходить и при строе пролетарской диктатуры). Будет их превращение, их трансформация на кооперативной основе. Растущая доходность, растущая рационализация и т. д. будет в то же время означать и втягивание этих хозяйств через кооперацию в общую систему нашей социализирующейся экономики. Не на изничтожение нужно держать курс, а на вовлечение крестьянского хозяйства в систему госхозяйства.

Но если мы «больше будем брать», по мере роста доходности; то ясно, что нам отнюдь не безразличен вопрос о «накоплении» (мы берем этот термин в кавычки, так как это — специфический термин капиталистической экономики) в крестьянском хозяйстве. А если мы заинтересованы и в этом накоплении, то нам нельзя ограничиться лозунгом: «бери возможно больше». Тогда нам нельзя говорить о границе «выкачивания», как о «технически возможной». Тогда нельзя говорить о тяжелом для социализма «подарке» мелкой буржуазии. Тогда нам нельзя говорить о филантропии и прочем. И тогда нам нельзя формулировать и самую проблему так грубо упрощенно, как формулирует ее тов. Преображенский.

В третьем № «положений» тов. Преображенский всю проблему сводит к проблеме арифметического сложения, вычитания, деления. Разделить данное, чтобы больше досталось пролетарской промышленности. Вычесть из крестьянского хозяйства. Нельзя вычесть меньше, ибо это значит вычесть у социалистической промышленности и прибавить к крестьянскому хозяйству и т. д.

Но, ведь, все это — поистине младенческая «мудрость», а вовсе не пролетарская.

Ибо дело отнюдь не ограничивается проблемой дележа уже данного «национального дохода» между рабочим классом и крестьянством (в целях упрощения проблемы мы отвлекаемся здесь от частного капитала). Гвоздь проблемы вовсе не здесь, не в этом. Вот чего никак не может понять тов. Преображенский.

Гвоздь проблемы заключается в увеличении «национального дохода», т.-е. в подъеме производительных сил, и притом в такой форме, чтобы был обеспечен рост социалистических производственных отношений.

А это такая проблема, которая вовсе не сводится к простой дележке данного запаса, к операциям сложения, вычитания, деления над уже данными величинами.

Ибо задача состоит в том, чтобы эту «данную величину» «национального дохода» постоянно повышать. Вот почему вопрос о «накоплении» в социалистической промышленности выступает неизбежно, как вопрос, связанный с проблемой «накопления» в крестьянском хозяйстве, которое образует рынок для промышленности и совокупность хозяйственных единиц, подлежащих втягиванию в государственное хозяйство и постепенной переработке.

Вопрос о емкости внутреннего рынка даже не поставлен тов. Преображенским. Между тем, это — центральный вопрос нашей экономики. Только в одном месте своей работы тов. Преображенский пишет:

> «Препятствия, которые встречает на этом пути (т.-е. на пути тов. Преображенского. **Н. Б.**) государственное хозяйство, заключаются не в недостатке у него экономической силы для проведения этой политики, а прежде всего в слабой покупательной способности частного хозяйства» (стр. 80). (Разрядка наша. **Н. Б.**).

И больше ни слова. А между тем, казалось бы, что именно над этим вопросом и следовало бы поразмыслить.

Если такое «препятствие» на-лицо, то можно ли не считаться с этим «препятствием»? Предположим, что мы, по желанию тов. Преображенского, не «делаем вычета» «из социалистической промышленности», не занимаемся «фи-

лантропией», а, несмотря на «препятствие», проводим «линию» тов. Преображенского, гнем ее «до победного конца». Что мы неизбежно получим? Сокращение спроса, кризис сбыта, застопорившийся процесс общественного воспроизводства, упадок промышленности и т. д. Другими словами, из «социалистически-пролетарской», «антифилантропической» и проч. позиции тов. Преображенского целиком вытекает подрыв и разорение социалистической промышленности и всего народного хозяйства в целом.

Методологический корень ошибки тов. Преображенского весьма «на виду»: во-первых, он берет вопрос в статике, а не в динамике (дележ данного, а не изменяющегося); во-вторых, он берет социалистическую промышленность изолированно, а не в связи с крестьянским хозяйством (вся «связь» у него — только в вычетах; он не понимает, что накопление в социалистической промышленности при большом удельном весе крестьянских хозяйств есть функция накопления в крестьянском хозяйстве).

Грубо говоря, тов. Преображенский предлагает пролетариату зарезать курицу, несущую золотые яйца, и исходит притом из того соображения, что кормить курицу — это значит заниматься филантропией. Замечательная хозяйственная сообразительность.

Но крестьянство — это для пролетариата такая «курица», которая должна превратиться в человека. И пролетариат этому должен, ради своего собственного дела, всемерно помочь. Не видеть этой цели значит быть своеобразным оппортунистом, не видящим основных революционных задач рабочего класса, значит — в данной связи — быть нерасчетливым скопидомом, скрягой, который боится выпустить в оборот копейку (как бы она не пропала!). Неправда, что нужно брать наибольшую цену. Нужно брать такую цену, которая обеспечивает не на один хозяйственный год возрастающий доход социалистической промышленности, стремясь постоянно к ее понижению. А такая политика цен не строится на основе примитивной формулы: бери все, что «технически достижимо». Это—вульгарное представление, которое никак не может быть положено в основу политки цен.

Тов. Преображенский в одном месте, сам чувствуя слабость своей позиции, говорит:

«(Я сознательно избегаю говорить: „на основании повышения цен“, потому что обложение не только возможно при падающих ценах, но у нас оно как раз будет происходить именно при падающих или неизменных ценах; это возможно потому, что, при удешевлении себестоимости продуктов, снижение цен происходит не на всю сумму снижения, а на меньшую, остаток же идет в фонд социалистического накопления.)» (стр. 80).

Но и это сиротливо притаившееся у тов. Преображенского в скобках местечко, «смягчающее» «промышленный» задор автора, тоже не спасает дела.

Ну, скажите, пожалуйста, не чудовищна ли сама по себе такая «уступка» со стороны тов. Преображенского: «Я сознательно избегаю говорить: „на основании повышения цен“»?

Еще бы! Вряд ли нашелся бы хоть один смельчак, который ставил бы себе задачу все время повышать цены из года в год и из месяца в месяц. Вряд ли кто мог бы выступить в защиту такого милого строя, который открыто писал бы на своем знамени этакую цель. И вряд ли нашлись бы дураки, которые этакий порядочек бы терпели. Так что такая декларация тов. Преображенского производит, ей-ей, странное впечатление.

Но тов. Преображенский рисует перспективу падающих или неизменных цен. Мы же говорим: нужно всемерно стремиться к тому, чтобы цены падали, чтобы у нас был исключен экономический застой, и что таким образом, в общем итоге, дело социализма выиграет, ибо будет гораздо более быстрый темп накопления во всей стране и особенно быстрый темп накопления в социалистической промышленности, действительно имеющей возможность получать добавочную прибыль и опираться на громадную концентрированную мощь всего государственного аппарата в целом.

Два слова о путях к социализму и «филантропии». Ленин сказал:

«Собственно говоря, осталось „только“ одно: сделать наше население настолько „цивилизованным“,

чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации, и наладить это участие. „Только" это. Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму... Поэтому нашим правилом должно быть: как можно меньше мудрствования и как можно меньше выкрутас» («О кооперации»). И несколько раньше:

«Каждый общественный строй возникает лишь при финасовой поддержке определенного класса... Теперь мы должны сознать и претворить в дело, что в настоящее время тот общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного, есть строй кооперативный» (там же).

Приводить из Ленина цитаты, где он говорит о том, что мы должны стремиться показать крестьянину большую дешевизну нашего производства по сравнению с капиталистическим, — излишне.

Между системой взглядов, развитых тов. Преображенским, с одной стороны, и ленинским учением о хозяйственном блоке рабочих и крестьян — «дистанция огромного размера», как видит всякий непредубежденный читатель. Пора нам, действительно, понять, что нужно поменьше «мудрствований и выкрутас» и побольше ленинской мудрости, которая проста, как просто все великое, но проста особой простотой, которую нужно видеть и прочувствовать до конца.

5. МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ ПАРАЗИТИЗМ ИЛИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД?

Вопрос о политике цен имеет очень крупное значение и с другой общей точки зрения. А именно, всякая монополия таит в себе некое консервативное начало. Совершенно верно отмечает тов. Преображенский, что нельзя проходить мимо того основного факта, что социалистическая промышленность строится на развалинах монополистического капитализма. Точно так же справедливо положение тов. Преображенского о том, что эта монополистическая структура при господстве пролетариата получает свое дальнейшее развитие, и что поэтому в руках

у пролетариата концентрируется громадной мощности экономический кулак.

Все это верно, и даже настолько верно, что является истиной, всем известной. Но вот что позабывает тов. Преображенский, вот что он проглядел: монополистический капитализм имел и имеет в себе самом зародыш, который тормозил и тормозит развитие производительных сил. Движущим мотивом капитализма является прибыль. Развитие производительных сил в капиталистическом обществе шло через механизм конкуренции. Ибо любой капиталист, вводивший технические улучшения и т. д., получал добавочную прибыль («дифференциальную прибыль»). Конкуренция тащила других сюда же, борьба шла на новой основе, «передовые» капиталисты вводили еще большие новшества, развертывали еще более массовое производство и т. д. Средством борьбы были **дешевые цены,** что и явилось рыночным выражением роста производительных сил. В этом заключалась, между прочим, одна из главных исторически прогрессивных сторон капитализма по сравнению со всеми докапиталистическими способами производства. Когда капиталистическое развитие замыкает свой, предначертанный историей, круг, оно приводит к монопольно-капиталистическим формам. «Жало конкуренции» в значительной мере исчезает. Прибыль обеспечена монопольной формой. Нечего спешить. Нечего двигать производство дальше тем же бешеным темпом. Ибо гарантирована добавочная, картельная сверхприбыль.

Правда, международная конкуренция не дает успокоиться. Но ее действие внутри страны парализуется высокими таможенными пошлинами. Вот почему на-лицо элементы так называемого «загнивания».

Посмотрите теперь на наше положение. Вот что пишет о нем тов. Преображенский. Утверждая, что мы должны вести политику, «сознательно рассчитанную на эксплуатацию частного хозяйства во всех его видах», автор продолжает:

> «Такая политика возможна, потому что государственное хозяйство пролетариата возникает исторически на базисе монополистического капитализма. Послед-

ний же, в результате ликвидации свободной конкуренции, приводит к созданию монопольных цен на внутреннем рынке на продукты собственной промышленности, получает добавочную прибыль вследствие эксплуатации мелкого производства и тем подготовляет почву для политики цен периода первоначального социалистического накопления. Но сосредоточение всей крупной промышленности страны в руках единого треста, т.-е. в руках рабочего государства, в огромной степени увеличивает возможности проведения на основе монополии такой политики цен, которая будет лишь другой формой налогового обложения частного хозяйства». (Далее идет место о «препятствиях», в том числе о слабости внутреннего рынка, которое мы цитировали в предыдущем изложении; см. стр. 79—80, разрядка наша. **Н. Б.**).
Хорошо. Что же у нас получается?
Монополистская тенденция увеличена.
Возможность получать «на готовенькое» добавочную прибыль увеличена.

Это факты. Но не вытекает ли из этого увеличенная опасность паразитического загнивания и застоя? И что является гарантией против этого застоя?

Вот над этой проблемой, проблемой громаднейшей, мы бы сказали: исключительной важности проблемой, нужно было бы подумать тов. Преображенскому. И если бы он над этой проблемой подумал, он бы заново перестроил всю свою теорию первоначального социалистического накопления.

Конкуренции у нас нет. Гарантированная прибыль не поступает в распоряжение частных лиц. Хозяйственники — кадр пролетарских борцов, но они тоже подвергнуты человеческим слабостям и могут соскользнуть на положение покоя, вместо беспокойства, тревоги и заботы о движении к коммунизму. Что же толкает наше производство вперед? Что? Где стимул, который **заставляет** (именно заставляет) двигаться вперед, гарантирует это движение вперед, заменяет частно-хозяйственный стимул прибыли, идущей в пользу частного владельца предприятия? Где свое-

образная механика в экономике нашей переходной эпохи?

Мы утверждаем, что гарантия лежит в давлении широких масс, прежде всего — рабочих, а затем и крестьянских масс. Несмотря на то, что у нас сохранилась пока капиталистическая форма «прибыли», что у нас все расчеты и калькуляция проходят в этих формах, все же рычаги движения вперед у нас иные. Мы сами, т.-е. руководящие круги в стране, т.-е. партия в первую голову, выражаем и отражаем («регулируя», «контролируя», «поправляя» и т. д.) этот рост потребностей массы. Другими словами, несмотря на существование рынка и капиталистические формы нашего госхозяйства, мы уже начинаем переходить от типа хозяйства, руководствующегося прибылью, к типу хозяйства, руководствующегося покрытием потребностей масс (а это есть один из признаков социалистического хозяйства).

Это отнюдь не означает, что у нас, при этом типе отношений, накопление должно итти медленнее. Наоборот (и это нужно подчеркнуть изо всех сил!): именно потому, что нам нужно ставить своей задачей покрытие потребностей, именно потому, что будет все расти давление этих потребностей, именно поэтому руководящие круги нашей промышленности и государство в целом будут вынуждены улучшать всеми мерами производство, расширять его, делать его более дешевым. В этом заключена гарантия нашего роста. Конечно, на это могут сказать, в особенности под влиянием ряда трудностей, возникающих на пути, что мы идем по линии «против хозяйственников». Но это было бы вздором. Мы уже упоминали о необходимости «регулирования», «контролирования» etc «давления потребностей». Но, смотря на весь процесс объективно-исторически, нельзя не признать, что именно здесь лежит основной рычаг нашего хозяйственного прогресса.

Возвращаясь к политике цен в этой связи различных проблем, мы придем к такой постановке вопроса:

1. Мы ведем политику повышающихся цен, используя свое монопольное положение. С данной точки зрения ясно, что это — максимальное выражение паразитического загнивания монопольного хозяйства.

2. Мы ориентируемся на неизменные цены. Это будет «нормальным» загниванием, хозяйственным застоем, до крайности медленным накоплением в стране, хозяйственным прозябанием.

3. Мы ориентируемся на все более низкие цены. Это будет выражением роста производительных сил, расширения производства и т. д. Это будет выражением движения вперед, т.-е. в наших условиях движением к социализму, и притом движением с максимально быстрым темпом накопления.

Здесь нужно избежать того, чтобы дать повод к неправильным возражениям.

Во-первых, нужно иметь в виду, что, как правильно указал сам тов. Преображенский, и при понижающихся ценах на продукты нашей госпромышленности мы можем получать добавочную «прибыль» за счет мелкобуржуазного хозяйства; весь вопрос как раз и состоит в том, должны ли мы, имея в кармане гарантированную монопольную прибыль, успокоиться или итти вперед; а итти вперед быстрым темпом нельзя, не понижая цен, не развивая производительных сил и т. д.

Во-вторых, было бы вздорным с нашей стороны отказываться от использования нашего монопольного положения; но мы должны это использование вводить в такие рамки, чтобы не сокращать, а увеличивать емкость внутреннего рынка, — это раз; затем, всякий прирост мы должны употреблять так, чтобы от этого получалось расширение производственного поля, удешевление производства, снижение себестоимости и, следовательно, более дешевые цены в каждом последующем цикле производства.

Или иначе:

По Преображенскому, дело обстоит так:

Мы должны обеспечить возможность «на основе монополии такой политики цен, которая будет лишь другой формой налогового обложения (при чем налоги-то остаются, и у тов. Преображенского речь идет отнюдь не о замене открытых налогов скрытой их формой. **Н. Б.).** Препятствия... заключаются прежде всего в слабой покупательной способности» и т. д.

По-нашему же дело обстоит совсем не так, а именно: мы должны ориентироваться на возможно более низкие цены, удовлетворяющие массы и т. д. Но препятствием этому служит дороговизна нашего производства, высокая себестоимость и т. д. Поэтому мы должны делать все, чтобы эту себестоимость снизить.

Нетрудно видеть всю принципиальную разницу между позицией тов. Преображенского и нашей. Нетрудно также видеть, что политика тов. Преображенского в своем развернутом виде приводит к позиции монополистического паразитизма.

Если теперь снова вспомнить все, что говорилось выше об «эксплуатации», «колониях», «пожирании» и т. д., то опять-таки нетрудно констатировать, что все эти теоретические положения увязаны у тов. Преображенского с теорией, мы бы сказали, «монополистического самодовольства», которая грозит превратиться в теорию «монополистического паразитизма»: «аналогия» с «загнивающим» капитализмом была бы полная, но от этой «аналогии» вряд ли поздоровится «социалистическому накоплению»![1]

---

[1] Мы не можем здесь входить в подробный анализ одного общего теоретического положения тов. Преображенского, где он (Преображенский) изображает процесс социалистического накопления, как борьбу двух законов: закона социалистического накопления и закона ценности. По мнению тов. Преображенского, закон социалистического накопления частью парализует, частью «отменяет» закон ценности, который в данный период отходит совершенно на задний план.

Здесь мы заметим лишь следующее: добавочная «прибыль» высоких хозяйственных комплексов получается: 1) из того факта, что индивидуальная себестоимость здесь ниже общественной, т.-е. на основе закона ценности; 2) из факта монополии. Если рассматривать большой промежуток времени, то не трудно увидеть, что первый закон выражает и опирается на развитие производительных сил, тогда как второй более или менее связан с консервативными тенденциями в том смысле, о котором мы говорили в тексте. С другой стороны, закон ценности, который в неорганизованном обществе есть и закон распределения общественного труда, является определенной границей для монополии. Ибо есть объективная граница в распределении производительных сил; если эта граница перейдена, неизбежен резкий кризис. Наконец, универсальная «монополия», т.-е. всеобщая организация общества, превращает стихийный закон ценности в плановой сознательный «закон» экономической политики, закон рационального распределения производительных сил. Таким образом, дело обстоит гораздо сложнее, чем у тов. Преображенского.

6. РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИЙ БЛОК ПОД ПОЛИТИЧЕСКИМ УГЛОМ ЗРЕНИЯ И ПОЗИЦИЯ ТОВ. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО.

Из предыдущего вытекает, что позиция тов. Преображенского угрожает блоку рабочих и крестьян, блоку, на котором строилась и строится вся позиция ортодоксального большевизма. Ибо нетрудно понять, что в тот период, когда рабочий класс стоит у власти, его политическая гегемония, его политическое руководство не может быть прочным, если под него не подведен базис *хозяйственной гегемонии*. А эта хозяйственная гегемония не может быть осуществлена иначе, как приспособлением промышленности к крестьянскому рынку, постепенным овладеванием этим рынком, внедрением новых методов в сельско-хозяйственное производство благодаря помощи индустрии, постепенным вовлечением крестьянства в кооперативную сеть и, наконец, подведением нового технического фундамента (электрификация) по мере роста социалистического накопления.

Та политика, которую предлагает тов. Преображенский, означает разрыв рабоче-крестьянского блока или, по крайней мере, его сильный *подрыв*.

При этом чрезвычайно характерно, что тов. Преображенский, как-то совершенно в духе старых «экономистов», резко отделяет экономику от политики, точно политика — это не «концентрированная экономика», а некая «вещь в себе», от которой можно отвлечься и без которой можно «делать дела» в духе «социалистического накопления».

Мы помним, как мало тов. Преображенский остановился на значении основного «препятствия» для своей политики, на вопросе о емкости внутреннего рынка. Теперь добавим, что вслед за этим упоминанием мы находим у него такое место:

> «Я не говорю здесь, наконец, о затруднениях политического свойства, вытекающих из взаимоотношений рабочего класса и крестьянства . . .» (стр. 80).

И он сдерживает свое обещание: больше не говорит.

Впрочем, есть все же одно место в его работе, которое отражает всю непродуманность и эклектичность построений тов. Преображенского.

«Играя» своими аналогиями (играя всерьез), тов. Преображенский, между прочим, пишет:

«Что касается колониального грабежа, то социалистическое государство, проводящее политику равноправия национальностей и добровольного вхождения их в то или иное национальное объединение, принципиально отвергает все насильственные методы в этой области. Этот источник первоначального накопления для него с самого начала и навсегда закрыт.

«Совсем иначе обстоит дело с эксплуатацией в пользу социализма всех досоциалистических экономических форм. Обложение (их. **Н. Б.**) ... должно получить огромную, прямо решающую роль в таких крестьянских странах, как Советский Союз» (стр. 58).

Мы не будем останавливаться на целом ряде мелких противоречий, которые есть у автора по данному вопросу. Мы возьмем быка за рога. Мы спросим у тов. Преображенского, почему же в этом случае (с национальностями) политический мотив («политика равноправия») заставляет автора подправить (впрочем, только на одной странице, ибо на других говорится не совсем то) свой «основной закон», тогда как в «случае» с рабоче-крестьянским блоком автор ограничивается заявлением: «Я не говорю... о затруднениях политического свойства»? Ведь, это беспринципность, непоследовательность, неумение свести концы с концами!

Это все тем более странно, что вопрос об экономической политике и политике вообще в бывших (бывших, тов. Преображенский!) колониях есть лишь усложненный, несколько измененный, вопрос об отношении рабочего класса к крестьянству вообще! Ведь, эта истина, казалось бы, достаточно разжевана в литературе, в решениях конгрессов и съездов. Но вот поди ж ты! И такие товарищи, как Преображенский, спотыкаются на «эфтом месте», хотя оно, это место, приведено в весьма добропорядочное состояние.

Несколько комично разбирать аргументацию тов. Преображенского по существу. Ну, возьмем только для примера его положение о недопустимости «колониального грабежа» «по случаю» национального вопроса. А такие штуки, как законы «об огораживании» (конечно, не в прямом смысле слова), «допустимы» там, где нет «национального вопроса»? А если нет, то почему?

Стоит только поставить этот, один единственный вопрос, чтобы увидеть всю фальшь «преображенской» линии.

Эта линия противоречит основам политики рабоче-крестьянского блока.

Линия же на этот блок есть существо всей политики переходного периода. Ибо для переходного периода характернейшей чертой является в основном двухклассовое общество, где проблема города и деревни, индустрии и сельского хозяйства, крупного и мелкого производства, рационального плана и анархического рынка и т. д. и т. п. выражает главную классовую проблему, проблему соотношения между рабочим классом и крестьянством. Оторвать экономику от политики, да еще по всему фронту, увертываться от этой политики — это значит не понимать проблемы в ее целом, не видеть ее исторического смысла, упускать основное, от чего нельзя скрыться, улизнуть, спрятаться.

Или мы в переходный период ориентируемся на блок рабочих и крестьян под руководством пролетариата, — тогда эта линия должна быть основным принципом нашей деятельности всюду и везде.

Или это для нас — «красное словцо». Тогда мы можем допустить те «вольности дворянства», которые намечает тов. Преображенский. Но тогда мы должны ясно видеть, что это идет против рабоче-крестьянского блока, что здесь иная, не ленинская оценка движущих сил революции, что здесь в основе иное представление о ходе всего революционного процесса.

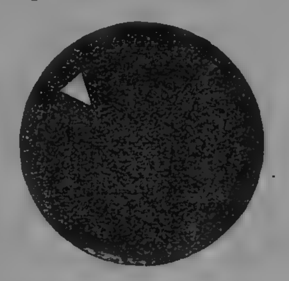
И тогда нужно выбирать.

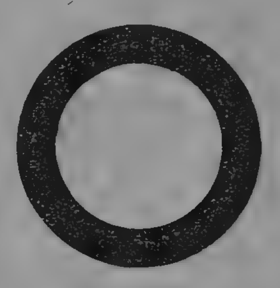
Нам нечего доказывать, каков должен быть наш выбор. Ибо ленинизм подтвержден не только логическими аргументами, хотя бы и самыми совершенными, но и опытом трех революций, по меньшей мере.

7. «ЗАКОН» ТОВ. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО В ЦЕЛОМ.

Нам хотелось бы сказать теперь несколько слов по поводу общей формулировки «закона». Прежде всего, необходимо отметить путаницу в самом содержании этого «закона» — путаницу, которая на первый взгляд скрыта, не видна, спрятана.

Представим себе два типа стран: промышленная страна с незначительным крестьянско-аграрным привеском и страна крестьянская со слабой индустрией. Для ясности изобразим дело графически:

Белая часть — крестьянское хозяйство.

Черная — промышленность и крупное сельское хозяйство, которое переходит к пролетариату.

После социалистического переворота черная часть (промышленность и крупное сельское хозяйство) попадает в руки пролетариата. Когда начинается процесс накопления, то немудрено, что в первом случае «удельный вес» прибавочного труда промышленности будет иметь большее значение для социалистического накопления, а во втором — неизмеримо меньшее. Но это положение является поистине трюизмом, ибо это — только другое выражение того факта, что в первом случае «удельный вес» *промышленности* гораздо больше, чем во втором.

Однако, тов. Преображенский на-ряду с этим ставит *другое* положение и связывает его *вместе* с «трюизмом», что *не верно*, ибо не всегда обязательно. А именно, тов. Преображенский говорит об эквивалентности или, вернее, о *неэквивалентности обмена* между городом и деревней, при чем выходит, будто чем больше удельный вес крестьянского хозяйства, тем не менее эквивалентен должен быть обмен, и наоборот. Однако, это как упомянуто, вовсе не обязательно. Пусть перед нами высоко развитый хозяйственный комплекс. Пусть, следовательно, крестьянское хозяйство в нем — совершенно незначительная величина (доминирует крупное с.-хоз. производство и концентрированная промышленность). Значит ли это, что удельный

вес прибавочного труда, идущего с крестьянства в фонд социалистического накопления, велик? Нет, он ничтожен. Но значит ли это, что здесь обязательно имеется эквивалентный обмен? Ничуть. Ибо как раз *неэквивалентность* может быть *очень* велика *в силу громадной разницы в технико-экономической структуре*. Даже при весьма *дешевой* цене (самой по себе) продуктов промышленности крестьянин будет получать неполный эквивалент, ибо его индивидуальные издержки на единицу хлеба будут *гораздо выше* издержек в *крупном* сельском хозяйстве, и потому неизбежно расхождение трудовых ценностей при обмене, если даже считать по «двум системам», как считает здесь тов. Преображенский.

Вопрос, таким образом, не так уж прост, как он выглядит у тов. Преображенского.

Чтобы ближе присмотреться к «закону», мы должны сперва проанализировать, что же, в сущности, понимает тов. Преображенский под «социалистическим накоплением» и т. д. Послушаем самого автора:

> «*Социалистическим* накоплением мы называем присоединение к основному капиталу производства прибавочного продукта, который не идет на добавочное распределение среди агентов социалистического производства, а служит для расширенного воспроизводства. Наоборот, *первоначальным социалистическим* накоплением мы называем накопление в руках государства материальных ресурсов, *главным образом из источников, лежащих вне комплекса государственного хозяйства* (эта разрядка наша. **Н. Б.**). Это накопление в отсталой крестьянской стране должно играть колоссально важную роль, в огромной степени ускоряя наступление момента, когда... это (т.-е. государственное. **Н. Б.**) хозяйство получит, наконец, чисто-экономическое преобладание над капитализмом... Накопление первым способом, т.-е. за счет негосударственного круга, явно преобладает в этот период. Поэтому весь этот этап мы должны назвать периодом *первоначального* или предварительного социалистического накопления... Основным законом нашего советского хозяйства как раз и является *закон первоначального или предвари-*

тельного (наша разрядка. **Н. Б.**) социалистического накопления. Этому закону подчинены все основные процессы экономической розни в круге государственного хозяйства. Этот закон, с другой стороны, изменяет и частью ликвидирует закон стоимости... Следовательно, мы не только можем говорить о первоначальном социалистическом накоплении, но мы ничего не сможем понять в существе советского хозяйства, если не поймем той центральной роли, какую играет в этом хозяйстве **закон социалистического накопления** (разрядка автора; жирный шрифт наш. **Н. Б.**)

Сперва отметим ряд мелочей. Во-первых, к капиталу нельзя прикладывать продукт; во-вторых, накоплением называется присоединение не только добавочного основного капитала (а превращенное в капитал сырье?); в-третьих, нельзя противопоставлять («не», «а») «добавочное распределение среди агентов соц. производства» «расширенному воспроизводству»: если, напр., в процесс производства вступают новые рабочие, это есть расширение производства. Но все это, конечно, сравнительные мелочи.

Существенно серьезнее обстоит дело, когда мы перейдем к основным «определениям» тов. Преображенского.

Он резко разделяет два понятия: понятие социалистического накопления и понятие первоначального социалистического накопления. Он прямо говорит: «социалистическим накоплением» называется то-то и то-то. «**Наоборот,** первоначальным социалистическим накоплением» называется то-то и то-то.

Соответственно этому он говорит о законе первоначального социалистического накопления. Но каково же будет наше удивление, когда мы увидим, что вслед за этим, буквально через несколько строк, словечко «первоначальный» выпадает! И каково же будет наше удивление дальше, когда мы узрим, что в основной формулировке основного закона (той, что мы приводили выше) это слово тоже исчезает! Там сказано:

«Основной закон социалистического накопления является центральной движущей пружиной всего советского государственного хозяйства. Но, вероятно, этот

закон имеет универсальное значение» (стр. 92; далее следует «формула»).

Итак, скажите же, ради бога, о *каком* законе идет речь?

Читатель, может-быть, думает, что здесь случайная обмолвка, и что на все это не следует обращать внимания: мало ли с кем грех случается при спешной работе! Мы, однако, позволим себе поискать некоторых *корней* этой явной неразберихи.

Как мы видели, период первоначального накопления определяется, как период *главным образом* эксплуатации частного хозяйства; длится он, как подчеркивает тов. Преображенский, пока госхозяйство не «*получит, наконец, чисто-экономического преобладания над капитализмом*».

Здесь нам дано: 1) материально-экономическое *содержание* процесса; 2) его исторические *границы*.

Попробуем теперь рассмотреть эти положения.

Казалось бы, раз тов. Преображенский говорит об основных законах и т. д., то можно было бы предположить, что речь идет о капитализме *той самой страны*, где пролетариат захватил власть.

Тогда «преобладание» («командные высоты») обеспечено довольно быстро. Это *есть* «экономическое преобладание над капитализмом», которое можно при неправильной политике *утерять*. Но оно есть, ибо в руках у пролетариата, при восходящей кривой производительных сил, имеется *закон крупного производства*.

Если это так, тогда, как это совершенно очевидно, не может быть дана та формулировка основного закона, которую дает тов. Преображенский. Ибо эта формулировка рассчитана на *гораздо более длительный период*.

Но предположим, что речь идет о капитализме других стран, более прогрессивных технически.

Тогда совершенно ясно, что «*первоначальное* накопление» вообще сливается с накоплением. Ибо, напр., пока в СССР мы дойдем до американского уровня, уйдет очень много времени. И все это будет значиться в графе *первоначального* накопления! Это «первоначалие» становится, таким образом, поистине перманентным!

Вот здесь зарыта собака. Тов. Преображенский незаметно превращает первоначальное социалистическое накопление в просто социалистическое накопление. Параллельно идет превращение закона из «первоначального» в просто закон. А все сие нужно для того, чтобы политику того периода, когда промышленность жила за счет крестьянства, растянуть вплоть до элетрификации.

Таким образом, и в этих чудесных превращениях есть та же самая логика, какую мы обнаружили на всех предыдущих стадиях нашего анализа. Это есть логика неправильного понимания тех взаимоотношений, которые должны складываться между пролетариатом и крестьянством, и как политическими связанными классами и как классовыми носителями определенных хозяйственных форм. Стержень у тов. Преображенского есть и здесь. Беда только в том, что этот стержень гнилой.

* * *

Читатель, привыкший иметь дело с анализом различных идеологических оттенков, сразу распознает здесь цеховую идеологию, которой «нет дела» до других классов, которую не заботит основная проблема пролетарской политики, проблема рабоче-крестьянского блока и пролетарской гегемонии в этом блоке. Один шажок в сторону в том же направлении, и тогда у нас полностью дана полуменьшевистская идеология законченных трэд-юнионистов российского образца: наплевать на деревенщину, больше концессий иностранному капиталу, ни копейки на кооперативные бредни и аграрщину, усиленный нажим на крестьянство во славу «пролетариата» и т. д. Сюда «растет» эта идеология. И совершенно понятно, если подавляющая масса членов партии отвергает — и притом в очень резкой форме — такие или родственные «теории». Эти «теории» могут погубить (если бы только они имели шанс на «овладение» массами, чего, к счастью, нет и чего не будет) рабоче-крестьянский блок, ту гранитную основу, на которой построено рабочее государство, наш Советский Союз.

К КРИТИКЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПЛАТФОРМЫ ОППОЗИЦИИ.

(Уроки октября 1923 г.).

В настоящее время нам представляется далеко не лишней попытка критически подытожить прошлогоднюю экономическую дискуссию. «Подытожить», т.-е. проанализировать экономическую платформу оппозиции с точки зрения общих ошибок оппозиционных товарищей, — общих ошибок, которые вскрыты нами в предыдущих статьях. Это тем более необходимо, что ряд вопросов частного порядка, поставленных прошлым годом, еще не решен. С другой стороны, как будто для всех более или менее ясно, что критики ЦК ошибались. В самом деле, вспомним хорошенько, что они писали, говорили, пропагандировали.

В известной записке 46 утверждалось, например, следующее:

> «Чрезвычайная серьезность положения заставляет нас... сказать вам открыто, что продолжение политики большинства Политбюро грозит тяжкими бедами для всей партии. Начавшийся с конца июля этого года хозяйственный и финансовый кризисы, со всеми вытекающими из него политическими, в том числе и внутрипартийными, последствиями, безжалостно вскрыл неудовлетворительность руководства партией, как в области хозяйства, так и, особенно, в области внутрипартийных отношений.
>
> «Случайность, необдуманность, бессистемность решений ЦК, не сводящего концов с концами в области хозяйства, привели к тому, что мы при наличии несомненных крупных успехов в области промышленности, сельского хозяйства, финансов и

транспорта, — успехов, достигнутых хозяйством страны стихийно, не благодаря, а несмотря на неудовлетворительное руководство, или, вернее, на отсутствие всякого руководства, не только стоим перед перспективой приостановки этих успехов, но и перед тяжелым обще-экономическим кризисом...

«Если не будут немедленно приняты широкие, продуманные, планомерные и энергичные меры, если нынешнее отсутствие руководства будет продолжаться, мы стоим перед возможностью необычайно острого хозяйственного потрясения, неизбежно связанного с внутренними осложнениями и с полным параличом нашей внешней активности и дееспособности».

Никаких полных параличей «нашей активности и дееспособности», как известно, не получилось. Вышло «все наоборот» и в хозяйстве, и в партии, и во внешней политике. В хозяйстве, как и в других областях, успехи были достигнуты отнюдь не на основе той линии, которая предполагалась оппозицией. Но все же из этих ошибок ряда людей, которые по-своему искренно хотели «спасать» нашу партию от страшных ужасов гибели, нужно вывести кое-какие уроки. Уроки октября 1923 года тоже подлежат критическому анализу. Этот анализ мы и предлагаем вниманию наших читателей.

1. ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА И КЛАССЫ.

(Основная стратегическая линия пролетариата).

В статье о «перманентной революции» тов. Троцкого мы, между прочим, показали, как конкретно, в действительности, изменялось соотношение между классами в ходе нашей революции и как, в конце-концов, стала на ноги диктатура пролетариата. Формально осуществилось то, чего хотел и тов. Троцкий (но к чему он не умел и не мог вести, ибо не видел промежуточных ступеней процесса). По существу, это все же «Федот, да не тот», ибо тов. Троцкий совсем неправильно понимает соотношение

между рабочим классом и крестьянством в период пролетарской диктатуры (теория «гибели» и проч.).

Мы попытаемся здесь в положительной форме дать, вернее, — наметить, общее решение вопроса о классах в переходный период, так как вопрос этот вовсе не так ясен, как это представляется с первого взгляда.

> «... В нашей Советской Республике, — писал тов. Ленин, — социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому (т.-е. сотрудничеству. **Н. Б.**) теперь допущены на известных условиях и «нэпманы», т.-е. буржуазия. Если возникнут серьезные классовые разногласия между этими классами, тогда раскол будет неизбежен; но в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания такого раскола...
>
> «... В последнем счете судьба нашей Республики будет зависеть от того, пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст „нэпманам", т.-е. новой буржуазии, разъединить себя с рабочими, расколоть себя с ними. Чем яснее мы будем видет перед собой этот двоякий исход, чем яснее будут понимать его все наши рабочие и крестьяне, тем больше шансов на то, что нам удастся избегнуть раскола, который был бы губителен для Советской Республики» («Как нам реорганизовать Рабкрин». Собр. соч., 1923 г., т. XVIII, часть 2, стр. 124).

В этой коротенькой выписке дана вся сущность постановки вопроса. Но эту сущность нужно расшифровать до конца или, по крайней мере, в ее основных линиях.

Прежде всего, свалившегося из капиталистического мира марксиста поразили бы в этом рассуждении слова о сотрудничестве классов; еще более его поразили бы, вероятно, слова о том, что к этому сотрудничеству допущена и буржуазия. Мы имеем, следовательно (о, ужас! о, позор!), «даже» сотрудничество с буржуазией. Как это понять? И как же быть с классовой борьбой? И как все это увязать с нашими общими взглядами? Что означает, в самом деле, этот странный «переход» от теории классовой борьбы к теории (буржуазной?) классового сотрудничества? Не есть ли уже это начало нашего «перерождения»?

Рассуждающий так не понимал бы основного: того, что у нас *уже* произошло завоевание власти пролетариатом, *уже* на-лицо пролетарская диктатура, а потому целый ряд вопросов не может стоять так, как он стоит для пролетариата в буржуазном обществе.

Генеральная линия пролетариата при капитализме — это линия на *взрыв* общественного целого, на *раскол* общества, на *разрушение* государства.

Генеральная линия пролетариата при его диктатуре — это линия на *укрепление* общественного целого, линия *против* раскола общества, линия за *упрощение* государства (до той фазы, когда начнется «отмирание» его).

При капитализме пролетариат — за *революцию* против данного порядка вещей.

При пролетарской диктатуре рабочий класс — за *эволюционное* движение к коммунизму, ибо государство пролетариата не разрушается, а «отмирает».

При капитализме пролетариат стоит за *гражданскую войну* внутри общества.

При своей собственной диктатуре, при ее укреплении он — за *гражданский мир*. Он *карает* за нарушение этого гражданского мира.

Но если *диктатура пролетариата* служит оболочкой для известного «сотрудничества классов», которое выражает единство общественного целого, то это вовсе не значит, что прекращается классовая борьба. Она принимает, однако, иную форму, она, с другой стороны, имеет совершенно иную тенденцию развития, чем при капитализме (ибо при капитализме она *обостряется*, пока все общество не расколется и не распадется, при успешном продвижении к социализму с известного пункта она начинает «отмирать»).

Диктатура пролетариата, т.-е. пролетарский класс, организованный, как государственная власть, имеет совершенно неодинаковое отношение к классам, живущим под этой «политической надстройкой».

Обычно всеми нашими учителями государственная власть пролетариата рассматривалась почти исключительно, как инструмент подавления классового противника, как «карающий меч революции», если говорить высоким стилем. Это и понятно. Ибо нельзя было заглянуть за историческую завесу дальше, чем это сделали творцы научного комму-

низма и их великий русский продолжатель. Однако Ленин, формулируя свое положение о сотрудничестве, тем самым уже поставил дальнейший вопрос о всей сложности функций пролетарского государства в период, если так можно выразиться, «пролетарского гражданского мира». Поставив этот вопрос, мы увидим без труда все различие в отношениях к классам.

В самом деле.

По отношению к белогвардейским, буржуазно-помещичьим, мятежным слоям и их остаткам функция диктатуры состоит в подавлении, и только в подавлении.

Иным является отношение пролетариата и его государственной власти к новой буржуазии, которая при данном соотношении общественных сил является общественно-необходимым слоем, выполняющим—в известной мере, в известных пределах, в известном отрезке времени — общественно-полезную функцию; по отношению к ней дело отнюдь не ограничивается одним подавлением. Тут есть и сотрудничество пролетариата, и в этом сотрудничестве — классовая борьба. Общая линия у рабочего класса — какая? Использование этой буржуазии, с определенного пункта — преодоление ее. Преодоление, главным образом, путем ее экономического вытеснения с параллельной заменой стоящих за нею людей и аппаратов своими людьми, учреждениями, аппаратами и т. д. Частный капитал не конфискуется однократным актом, не отрубается механически одним взмахом революционного меча. Он именно преодолевается в процессе хозяйственной борьбы на основе роста наших госучреждений и кооперации; он вытесняется ими, хозяйственно (и с помощью госуд. давления, поскольку и где это целесообразно) выдавливается из своих позиций, уступая место более совершенным видам хозяйства. Здесь есть и подавление, но не в нем центр тяжести. Здесь есть и сотрудничество. Здесь есть и классовая борьба. Здесь эта классовая борьба приводит (при успехе социализма) к преодолению на основе вытеснения, уничтожения классового противника и хозяйственной формы, носителем коей он является. Мы, в конце-концов, выживаем «нэпманов».

Диктатура пролетариата, т.-е. государственная власть, опосредствует все эти типы отношений. Но если она

делает возможным сотрудничество с нэпманами в обществе, это совсем не значит, что государственная власть есть не пролетарская, а пролетарско-нэпманская. Всякое относительно устойчивое общество (за исключением коммунистического) есть «единство противоположностей», единство разных классов. Но это не значит, что государственная власть во всяком обществе есть блоковая, общенародная власть, в коей принимают участие все классы населения. На этом элементарном смешении покоятся рассуждения гг. Отто Бауэров и К°.

Иное отношение при диктатуре пролетариата складывается между рабочим классом и крестьянством. Есть здесь элемент подавления? Есть, но в гораздо меньшей мере (в скобках заметим, что принуждение может быть и по отношению к пролетариату, ибо иногда авангард давит на свой же арьергард). Есть здесь сотрудничество? Есть, но в неизмеримо большей мере, при меньшей мере классовых разногласий и классовых трений. Общая тенденция развития здесь (при успехе социализма) — то же преодоление и хозяйственных форм и социально-классового типа. Но это «преодоление» не означает здесь вытеснения или уничтожения. «Преодоление» заключается здесь в медленной переработке и индивидуального хозяйства и индивидуалистического социального типа.

Государственная власть пролетариата опосредствует и этот тип сотрудничества. Но и здесь она не перестает быть пролетарской властью, которая опирается на крестьянство и руководит им.

Итак, мы имеем разные отношения:

1) подавление;

2) сотрудничество и борьба; преодоление через вытеснение;

3) гораздо большее сотрудничество и гораздо меньшая борьба; преодоление через переработку, в противоположность вытеснению.

Разумеется, вышеприведенные рассуждения схематичны, и с этой точки зрения в известной мере условны. Так, они предполагают развитие к социализму. Если этого не будет (а этот вопрос решит конкретная практика, конкретная борьба, конкретная линия партии и рабочего класса), тогда раскол между рабочим классом и крестьянством при-

ведет к руководству буржуазии над крестьянством против пролетариата. «Сотрудничество» под гегемонией пролетариата лопнет, и диктатура пролетариата будет опрокинута. Может-быть и так, что блок рабочего класса и крестьянства будет по временам подвергаться большой опасности, но все же общая линия будет выравниваться, и, в общем и целом, этот блок будет укрепляться, а буржуазия будет отступать. Но, во всяком случае, та линия, за которую мы должны бороться, которую мы должны защищать, — это линия рабоче-крестьянского блока под гегемонией рабочего класса, как руководящей, ведущей силы этого блока. Эта борьба, в конце-концов, решит, каков будет действительный исход, какая из половинок ленинского «двоякого исхода» будет реализована в действительности.

Поставим теперь вопрос о соотношении между рабочим классом и крестьянством, с другой стороны.

В капиталистическом строе руководящим классом являлась буржуазия. До определенного времени (т.-е. поскольку она играла исторически-прогрессивную роль) буржуазия была «представительницей нации». Когда буржуазная социология, исследуя «социальный порядок» капиталистического общества, выставляет буржуазию, как руководящую силу всего общества, то в этом утверждении есть известная доля истины. Ошибка, ложь, апологетика начинается там, где ученые капитала скрывают классовый характер «иерархии», когда они лгут, будто «всякий рабочий» может стать капиталистом, когда они прячут основной факт, что в пределах капитализма рабочий класс, как целое, осужден на положение наемного раба и не может подняться, не сломав всей капиталистической системы.

Иное соотношение при диктатуре пролетариата. Рабочий класс и крестьянство — два разные класса. Рабочий класс ведет общество в целом. Но рабочий класс так руководит крестьянством, что стремится на деле, перерабатывая его по-своему, поднять его до себя. Крестьянство отнюдь не обречено на свое «крестьянское» существование. Наоборот, оно постоянно будет (если мы будем итти вперед) «вывариваться в кооперативном котле» и таким образом сходить со своей индивидуалистической «кучи навоза». Соотношение между господствующей буржуазией и пролетариатом постоянно обостряется, — такова основная

тенденция капитализма. Соотношение между руководящим пролетариатом и руководимым крестьянством, вопреки теории тов. Троцкого, меняется в противоположном смысле.

Противопоставление пролетариата и крестьянства, как классов, с известного пункта уже не будет оправдываться: крестьянство все более будет становиться периферией, отстающим слоем, арьергардом работников социалистического общества, арьергардом трудящихся «вообще».

Разумеется, было бы глупейшей маниловщиной и сентиментальным отрицанием марксизма, если бы мы это будущее целиком перенесли в настоящее и проглядели классовую борьбу теперь, различные формы классовых трений между рабочими и крестьянами, дифференциацию внутри крестьянства и проч. Но точно так же было бы отрицанием марксизма и ленинизма, если бы мы упустили из виду свою основную генеральную перспективу. Задача сложна и трудна, ибо конкретное развитие крайне противоречиво. Однако, нужно уметь и зацепиться каждый раз за конкретную действительность, и вести свою линию, которая определяется общей постановкой вопроса, общим стратегическим планом господствующей пролетарской партии. Вот почему Ленин говорил, определяя в апреле 1922 года нашу общую линию:

> «Весь гвоздь в том, чтобы двигаться теперь вперед несравненно более широкой и мощной массой, не иначе, как вместе с крестьянством, доказывая ему делом, практикой, опытом, что мы учимся и научимся ему помогать, его вести вперед...
>
> «Если найдутся в нашей партии голоса, которые будут против этого архимедленного и архиосторожного движения, эти голоса будут одиноки» (Заключ. слово на XI съезде. Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 71).

2. ПРОБЛЕМА ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СМЫЧКИ И ОБЩАЯ ПОСТАНОВКА ВОПРОСА ОППОЗИЦИЕЙ, ТАК НАЗЫВ. «ДИКТАТУРА ПРОМЫШЛЕННОСТИ».

«Политика есть концентрированное выражение экономики». То, что мы проанализировали выше с точки зрения

классовых соотношений, относится поэтому и к соответствующим хозяйственным формам, которые и определяют социально-классовые типы с их специфическими особенностями.

Нужно раз навсегда понять, что у нас есть сейчас некое, объективно существующее, экономическое «целое», так наз. «народное хозяйство». Его части противоречивы; здесь есть много антагонизмов. Эти антагонизмы идут по тем же линиям, что и антагонизмы трех классовых сил, соотношение между которыми мы рассматривали выше. Но в то же время и взаимозависимость этих частей, их «сотрудничество». Другими словами, они суть функции общественного целого, хотя и находятся во взаимной борьбе. Классовая борьба, классовое сотрудничество и классовые блокировки как раз и проходят теперь в виде борьбы разных хозяйственных форм, живыми носителями которых выступают определенные общественные группировки. Удельный вес крестьянского хозяйства в общей экономике страны находит свое выражение в социальном весе крестьянства, но не «прямо пропорционально», ибо — опять-таки в силу хозяйственной структуры — крестьянство раздроблено по деревенским дворам. Пролетарская промышленность может добиться руководящей хозяйственной роли, лишь опираясь на крестьянский рынок. Накопление в социалистической промышленности длительно не может происходить без накопления в крестьянском хозяйстве. Одно зависит от другого. И основной проблемой нашей экономики как раз и является проблема наиболее быстрого взаимного оплодотворения обеих решающих половинок нашего народного хозяйства. Поэтому заранее обречены на неудачу все попытки решить тот или иной крупный хозяйственный вопрос, если при этом исходят из одного круга хозяйства. Ибо важнейшие проблемы экономики неизбежно выводят за пределы промышленности. Точно так же, как основные, кардинальные, решающие вопросы нашей политики решаются пролетариатом, но не состоят в вопросах, так сказать «внутрипролетарского характера», так и решающие проблемы экономики лежат в соотношении между экономикой города и экономикой деревни. Именно поэтому проблема рабоче-

крестьянского блока вполне соответствует проблеме экономической смычки между социалистической госпромышленностью и миллионами крестьянских хозяйств.

> «Надо помнить, что основная, решающая, все себе остальное подчиняющая, задача новой экономической политики — это установление смычки между той новой экономикой, которую мы начали строить... и крестьянской экономикой, которой живут миллионы и миллионы крестьян. Смычки этой не было, и ее нам надо прежде всего создать. Этому соображению надо все подчинить» (том XVIII, часть 2, стр. 28).

Так говорил Ленин на XI съезде партии. Нужно доказать крестьянину, что мы сумеем ему помочь.

> «Либо мы это докажем, либо он нас пошлет ко всем чертям. Это совершенно неминуемо... Это надо знать и, получивши кредит (от крестьянина. **Н. Б.**), все-таки поторапливаться. Надо знать, что приближается момент, когда крестьянская страна нам дальнейшего кредита не окажет, когда она, если можно употребить коммерческий термин, спросит наличными» (там же, стр. 29).

Отсюда шли лозунги: «учитесь торговать». Ибо через торговлю и идет «смычка», взаимодействие между новой экономикой города и крестьянским хозяйством. И когда осенью 1923 года у нас остановился товарооборот между городом и деревней, то это было кризисом смычки.

Как же подходили к вопросу товарищи из оппозиции? Как хотели они решать мучительную проблему дня? Куда, в какую сторону они тогда глядели? Где искали ответа?

Вот как отвечает на этот вопрос резолюция, предложенная оппозиционными экономистами на собрании московского партийного актива:

> «Необходимо не только ставить вопрос об основном и решающем значении смычки национализированной промышленности и крестьянского хозяйства, но и разъяснить, почему эта смычка не наладилась за истекший период, и почему смычка деревни с кустарной частной промышленностью и торговым частным капиталом развивалась успешнее. Основными причинами являются: отсутствие плана, объединяющего работу всех отраслей государственного хозяйства» и т. д. («Правда», 1 января 1924 года).

Тов. Пятаков на XIII партконференции, разъяснив, что речь идет о плане по отношению только к госхозяйству, говорил о том, что в центре стоят два вопроса: «как мы будем управлять нашим госхозяйством» и «как нужно проводить план».

> «Если мы, — продолжал он, — не выпятим со всей силой, со всей энергией, именно эти два вопроса, то мы не решим проблемы смычки» (XIII конф. РКП (б). Изд. «Красная Новь», 1924 г., стр. 23).

Тов. Троцкий в своем первом письме членам ЦК и ЦКК (от 8 октября 1923 г.) определял «реальное экономическое содержание» лозунга смычки так:

> «Плановое хозяйство; жесткая концентрация промышленности; жесткое снижение накладных расходов промышленности и торговли».

Перед XII съездом партии, где докладчиком по вопросу о промышленности выступал тов. Троцкий, была упорная борьба за вставку о значении крестьянского хозяйства. Тов. Троцкий возражал, указывая, что этой — самой по себе правильной — вставке не место в резолюции по промышленности. После долгих переговоров вставка была сделана по настоянию большинства членов ЦК.

О чем говорят эти выписки и эти факты? Все товарищи на словах признают значение крестьянского хозяйства. Но на деле они этого вопроса не продумывают до конца, и именно здесь лежит корень большинства ошибок бывшей оппозиции.

В самом деле, разве не ясно, что оппоненты ЦК искали решения вопроса, не выходя за пределы государственного хозяйства?

Разве все их формулировки не показывают, что они проблему смычки «решали» «изнутри» госхозяйства, а иногда даже «изнутри» одной промышленности?

Разве не видно, что они эту промышленность брали изолированно, отрывая ее от крестьянского хозяйства?

Разве не видно, что «реально-экономическое содержание» лозунга смычки у них шло мимо действительного «реально-экономического содержания» этого лозунга?

В чем заключалась «размычка» между городом и деревней? Высокие цены на продукты промышленности; противоречие между ними и емкостью внутреннего (крестьянского) рынка; падающая валюта при росте товарных отношений, крах денежной связи, которая есть условие товарооборота вообще, товарооборота между городом и деревней в частности; вместе с тем невозможность или крайняя затруднительность накопления в крестьянском хозяйстве (невозможность продажи, покупки, накопления в денежной форме),—полная размычка.

При таких условиях искать решения проблемы смычки в рамках госхозяйства или — еще хлеще — в рамках промышленности — это значит обнаруживать полное непонимание сути вопроса.

Разницу между позицией Центрального Комитета партии и «позицией оппозиции» можно примерно формулировать следующим образом:

Позиция ЦК. Болезнь — в соотношении между госпромышленностью и сельским хозяйством, т.-е. главным образом в сфере обращения (невозможные цены, агония совзнака). Здесь гвоздь вопроса. Только сдвинув с места процесс обращения, мы сможем, как следует, лечить и госпроизводство (заставить снизить себестоимость, рационализировать производство и т. д.), что, в свою очередь, усилит «обмен веществ» («смычку») между городом и деревней.

Позиция оппозиции. Болезнь — в отсутствии плана, это, так сказать, — госплановая болезнь. Она, следовательно, заложена в кругу госхозяйства, а то и в кругу госпромышленности. Здесь — суть вопроса. Вылечив промышленность через «госплан», мы затем само собой решим и задачу смычки.

ЦК шел, таким образом, от обращения (деньги, цены, торговля) к производству, оппозиция (как это «по-марксистски» звучит!)—от производства (рациональный план) к обращению.

Конечно, это разграничение не нужно понимать в плоском, абсолютном смысле слова. Речь идет лишь о центре тяжести всей проблемы в ее целом. С этой оговоркой, мы думаем, наша постановка вопроса является единственно правильной.

Если это так, — а это безусловно так, — то читатели увидят и своеобразную логику «оппозиционных ошибок»; она коренится все в той же «недооценке крестьянства», от которой — на словах — так открещиваются товарищи-критики.

Этот основной порок имеется и в концепции «диктатуры промышленности», которую защищал тов. Троцкий.

> «...внутри государственного комбината, — писал т. Троцкий, — „диктатура“ должна принадлежать не финансам, а промышленности. Разумеется, слово „диктатура“, как я пояснил, имеет здесь очень ограниченный и условный характер, — в противовес той „диктатуре“, на которую претендовали финансы. Другими словами: не только внешняя торговля, но и работа по восстановлению устойчивой валюты должна быть строго соподчинена интересам государственной промышленности. Само собой разумеется, — продолжал тов. Троцкий, отвечая на удары критики, — что это нимало не направлено против смычки, т.-е. правильных взаимоотношений всего государственного „комбината“ и крестьянского хозяйства. Наоборот, только при такой постановке дела „смычка“ из области парадной фразеологии может быть переведена постепенно в область хозяйственной действительности» (Троцкий. «Новый курс», стр. 71—72).

Тов. Троцкий ссылается далее на факт, что он отнюдь не стоял за форсированный рост промышленного накопления. Факт этот верен: сам тов. Троцкий за этот форсаж не стоял, — другие стояли. Но эти «другие» лучше, как нам кажется, связывали концы с концами. Ибо из «диктатуры промышленности», даже в том виде, как тов. Троцкий излагает ее в «Новом курсе», вытекают не те выводы, которые делает тов. Троцкий.

В самом деле, посмотрите, как определяет тов. Троцкий отношение между Наркомфином и еспромышленностью. Он стоит за диктатуру промышленности над Наркомфином. Расшифруем, что это значит.

Прежде всего, одно небольшое замечание. Наш Наркомфин нельзя считать тем же самым учреждением, что министерство финансов буржуазных государств. Строение нашего государственного бюджета в корне и принципиально

отличается от строения буржуазного бюджета, ибо наше «государственное хозяйство» принципиально отличается от «государственного хозяйства» классической «финансовой науки» любого из буржуазных университетов. Оно включает всю крупную промышленность, весь транспорт, госторговлю, советские хозяйства и т. д., т.-е. изрядную долю «народного хозяйства». Поэтому такого противоречия между «интересами народного хозяйства» и «интересами фиска» у нас быть не может (мы не говорим уже о классовой характеристике бюджета, что само собой разумеется).

Итак, что же означает утверждение тов. Троцкого?

Во-первых, тов. Троцкий совершенно напрасно думает, что Наркомфин — такая же часть «госкомбината», как транспорт и т. д. (см. «Новый курс», стр. 71).

Во-вторых, тов. Троцкий упускает из виду, что Наркомфин обнимает своею деятельностью не только всю économie госпромышленность, не только весь сектор госхозяйства, но и всю сферу частного хозяйства (хотя и «по-другому»).

В-третьих, тов. Троцкий не учитывает, что распределение финансовых средств для разных отраслей народного хозяйства (бюджет), а равно (косвенно, через Госбанк) вопросы кредитования идут через Наркомфин, т.-е. здесь и происходит в значительной мере (по директивам СТО и т. д.) реальная увязка между различными сферами народного хозяйства (а не только промышленности).

В-четвертых, тов. Троцкий не дооценивает тот факт, что непосредственно в связи с Наркомфином стоит денежная система, эта элементарная предпосылка всей совокупности товарного хозяйства, которая имеет значение для всех звеньев народного хозяйства, а равно система кредита и банки.

Если говорить, что должна существовать диктатура промышленности над Наркомфином, это и значит не понимать реальных связей между этой промышленностью и внегосударственным хозяйственным кругом, т.-е., в первую очередь, крестьянским хозяйством.

Как рационалистически, обще, абстрактно ставит вопрос тов. Троцкий, видно из его рассуждений насчет валюты (это в самый «разгар» денежной проблемы).

Разумется, «в конечном счете» все «соподчинено» проблеме развития крупной промышленности, ибо она есть база социализма, ведущее начало и т. д., и т. п. Опять-таки, не в этом дело, не в этих политико-экономических «азах». А дело в том, что в определенное, конкретное время, при определенных, конкретных условиях вопросы денежной системы могут стать «звеном». И тогда этой проблеме должно быть «соподчинено» все. Но это уже другая тема, которой нам придется коснуться ниже.

Итак, мы видим здесь основную ошибку («методологическую» ошибку) оппозиционных теоретиков-экономистов: они брали промышленность изолированно, «гвоздя» проблемы они не видели. Поэтому на основе своей постановки вопроса они и не в состоянии были предложить систему правильных мероприятий: они смотрели не туда, куда нужно было смотреть.

Интереснее всего то, что эта ошибка по типу буквально повторяла профсоюзную ошибку Троцкого, Бухарина и прочих. В самом деле, как тогда рассуждали?

«Нэп» раскрепощение хозяйства и т. д., — очень хорошо. Все это приемлемо. Но какое это отношение имеет к профсоюзам? И какое это отношение имеет к госпромышленности? Это — «особый вопрос» (как у Троцкого перед XII съездом «особенность вопроса» о промышленности была аргументом против абзаца о роли крестьянского хозяйства).

Так рассуждали тогда, и рассуждали, действительно, как эклектики, которые не видели общей связи крупных проблем, ставших на очередь дня.

Та же ошибка в виде изолированного анализа промышленности, ее, так сказать лабораторно-уединенного лечения, повторилась и в прошлом году. Нетрудно понять, что,—отрицают или не отрицают это сами авторы ошибки,— она связана с непониманием роли крестьянского хозяйства. Это подтвердится еще более в последующем изложении.

3. ВОПРОС О «ПЛАНЕ».

Вопрос о плане, как мы видели, играл в дискуссии совершенно исключительную роль. Оппозиция видела в «плане», «плановом начале», «маневренном плане» и т. д. универсаль-

ное средство от всех экономических, а следовательно, и всяких иных, зол.

Само собою разумеется, что никто и не спорил против планового хозяйства и плана вообще: мы уже в прошлом году настолько далеко ушли вперед от такой детски-примитивной постановки вопроса, что нелепо было тащить партию назад, к рассуждениям о «пользе стекла». Не в этом был вопрос. А вопрос был в том, как реально подойти хоть немножечко поближе к тому «плановому хозяйству», имя которому — «социализм».

Нужно еще раз вспомнить, как обстояло дело, какова была конкретная «хозяйственная конъюнктура» в широком смысле этого слова.

Основной факт — почти полная размычка промышленности с крестьянским хозяйством. Невозможность и бесперспективность товарооборота между городом и деревней. Крестьянин не может развивать свое хозяйство, так как он не заинтересован в росте его товарности; цены на продукты крестьянского хозяйства страшно низки, и ему невыгодно продавать; цены на продукты промышленности очень высоки, и ему невозможно покупать. Запродажи со стороны крестьянского хозяйства для покупок тоже, следовательно, перестают иметь смысл. Этакое положение невероятно обостряется катастрофически падающей валютой, совзнаком, который становится положительно опасно держать у себя, — он падает по своей покупательной способности не только со дня на день, но чуть ли не с часу на час. Денежное «накопление» становится исключенным, а следовательно, застопоривается и реальное накопление, вместе с ростом помех к расширению товарного хозяйства вообще. Становится невозможным даже ограниченный индивидуальный «план» крестьянского хозяйства, ибо нельзя даже элементарно рассчитать и подсчитать хозяйственные элементы, не говоря уже о налогах и т. д.

Так — в общем, в самых грубых очертаниях — обстояло дело с крестьянским хозяйством.

А с промышленностью? Прежде всего, невозможность сбыта. Промышленность уперлась в тупик, она натолкнулась на крупнейшее препятствие, а именно на слабость внутреннего и крестьянского рынка. Процесс реализации застопорился. Застопорилось, следовательно, и воспроизводство

и накопление. Падающая валюта, бесконечное количество «индексов», судорожные попытки решить задачу квадратуры круга, т.-е. найти точные измерители при всеобщей неустойчивости хозяйственных элементов, делали и здесь невозможным точный расчет, калькуляцию, исчисление себестоимости, балансов и т. д. Элементарнейшая основа элементарнейшего плана отсутствовала даже для отдельного предприятия, треста или для любой еще более низовой производственной единицы.

Таким образом, по основной линии смычки между двумя громаднейшими частями народного хозяйства получилось полное и категорическое расхождение. А в любой из производственных ячеек и на стороне крестьянина и на стороне госпромышленности отсутствовала элементарная возможность «плана» в условиях товарного хозяйства, ибо бился в агонии многострадальный советский знак.

Как же в таких условиях предлагали итти к плановому хозяйству оппозиционные товарищи?

В своем докладе на XIII партконференции тов. Пятаков говорил:

> «Если подходить к вопросу о плановом хозяйстве так, как подошел тов. Рыков, т.-е. к созданию плана всего народного хозяйства Союза Республик, включая и крестьянское, то, разумеется, мы должны сказать: такого плана создать в настоящий момент, при наличии колоссальнейшего по размерам крестьянского хозяйства, нельзя... Когда мы говорим о плане и управлении хозяйством, то в первую очередь и в первую голову (а во «вторую?» **Н. Б.**) встает вопрос об управлении государственным хозяйством, о внесении сознательности и систематичности, т.-е. планомерности, в это управление» (Протоколы, стр. 20).

> «Второй вопрос состоит в том, что, если мы построим такую систему управления государственным хозяйством (подчеркиваю: всем государственным хозяйством, — не крестьянским, не частным, а именно той частью народного хозяйства, которая находится в собственности у пролетарского государства), то совершенно ясно, что мы должны подойти к этому нашему хозяйству с каким-то планом работы» (там же, стр. 22).

К этим, невинным на первый взгляд, формулировкам стоит присмотреться. В самом деле, казалось бы, что в них— вся бездна марксистской премудрости насчет плана. А вот при ближайшем рассмотрении мы увидим, насколько они односторонни, недиалектичны, мертвы, жизненно «подозрительны».

Тов. Пятаков издевается над планом всего народного хозяйства теперь. Но эта издевка годится лишь в том случае, если «план» понимать в соответствующем его «чистой» идее виде. Но такой идеальный план исключен и для госпромышленности, взятой даже только «в себе и для себя», т.-е. вне всякой связи с частно-хозяйственным кругом народного хозяйства. Мы и здесь имеем известную степень рационализации (внесения сознательности) хозяйственного процесса. Лежит ли вне этой тенденции вопрос о соотношении между крестьянским хозяйством и госхозяйством? Стоит только поставить этот вопрос, чтобы увидеть, что и этот вопрос включается в вопрос о «плане», включается уже теперь. Возьмем дело конкретнее. Можно ли строить хозяйственный план, не учитывая налогов? Нет. Можно ли учитывать налоги, не учитывая вероятного урожая (хотя бы вчерне)? Нет. Можно ли строить планы в промышленности, не учитывая емкости крестьянского рынка? Нет. Можно ли ставить вопрос о емкости вне вопроса о ценах? Нет. И так далее, и тому подобное.

В отличие от тов. Пятакова, тов. Троцкий в одном месте почти подошел к верной постановке вопроса, но тотчас от нее отскочил. В «Новом курсе» он писал:

> «Разумеется, предварительный учет крестьянского рынка... ни в каком случае не может быть точным. Здесь неизбежны серьезные просчеты, уже хотя бы в виду колебания урожая и пр. Просчеты эти будут обнаруживаться через рынок же, в виде частичных и даже общих нехваток, заминок, кризисов. Однако же совершенно ясно, что кризисы эти будут тем менее острыми и длительными, чем серьезнее плановое руководство проникает во все отрасли государственного хозяйства, сочетая их непрерывно между собой» (стр. 70).

Тов. Троцкий поставил проблему «просчетов» в области (тоже «планового», поймите же, товарищи!) учета в со-

отношении между городом и деревней, но тотчас же убежал к рассуждениям об отраслях государственного хозяйства, взятого «само по себе».

Вся эта постановка вопроса смазывает главнейшую проблему нашей экономики и нашего планового (не в абсолютном, не в идеальном, а в конкретно-практическом значении этого слова) руководства. Разверните формулу нашего «плана», даже только в отношении к госпромышленности. Что есть «план»? План состоит, по Троцкому, в «непрерывном сочетании» производственных отраслей между собою. На языке политической экономии это есть «уничтожение диспропорциональности» или «анархии». Но только Туган-Барановский и его сторонники не понимали, что в понятие пропорциональности входит и «сочетание» с потреблением, т.-е. в данном случае совокупностью крестьянского рынка. По Троцкому выходит примерно так: ну, просчеты в отношении к крестьянскому рынку будут, но центр-то тяжести заключается в соотношении частей «госхозяйства». А реально? А реально дело обстоит так, что само это соотношение («сочетание») внутри госпромышленности определяется соотношением с крестьянским рынком. Тот «план», который бьет мимо этого сотношения, не есть план, ибо это соотношение и есть база всего плана. Вот что нужно продумать до конца, понять и усвоить раз навсегда.

Никакое самое «расправильное» «сочетание» между отраслями нашей промышленности не освободит от крупнейших потрясений, если будут ошибки в учете основного соотношения, т.-е. соотношения между госпромышленностью и крестьянским хозяйством.

В своей книжке «Хозяйство и цена» известный буржуазный идеолог П. Б. Струве говорил об основном «дуализме» хозяйства, т.-е. о том, что во всяком хозяйстве обязательны два «начала»: начало стихийности и начало сознательности («плана», «рационализации»). Он считал исключенным общую рационализацию хозяйства, т.-е. социализм. Мы этого отнюдь не считаем. Но в то же время мы видим, что рационализация есть процесс, что «плановое начало» растет. В известном смысле всякое наше государственное вмешательство в стихийный ход экономической жизни есть внесение этого рационального начала, этого

«плана». Но нужно практически уметь делать здесь такие шаги, которые реально способствовали бы росту рациональных элементов общественного хозяйства. Туть есть разные типы: регулирование дробного крестьянского хозяйства (очень слабое, ибо только такое и возможно теперь) — это один тип; учет на основании статистики вероятной суммы урожая, как основы для построения суммы налога — это, скажем, другой тип; более или менее точные производственные программы госпромышленности — это третий тип «увязки» и т. д. У нас дело с «планом» обстоит как раз очень сложно. Но при всей сложности построения плана все же, нам кажется, ясно, что вопрос учета крестьянского рынка есть одна из основных работ по построению плана.

Если это так, то да позволено будет спросить: ну, а может-быть такая обстановка в экономике страны, чтобы этот вопрос, вопрос о соотношении между городом и деревней, точнее — вопрос о процессе обращения и условиях этого процесса, всплыл, как решающий, как ленинское «звено», как проблема, которая (в относительном смысле слова, конечно) покрывает собой все остальные вопросы, проблемы, задачи? Может это быть, или нет?

Конечно, может. И такую обстановку мы и имели осенью 1923 года. Именно здесь был заключен «гвоздь» нашей народно-хозяйственной жизни, и именно сюда нужно было смотреть, чтобы увидеть правильный подход к лечению болезни.

Как иногда смутное сознание этого появлялось и у оппозиционных теоретиков, показывает, например, такое место в их резолюции («Правда», № от 1-го января 1924 г.):

> «Если развитие государственной промышленности совершается стихийно, не уравновешенно с развитием сельского хозяйства, то это является результатом отсутствия плана и руководства».

Это чересчур сильно сказано: «отсутствием». Но что просчет здесь был, — кто же это отрицает? Что были крупнейшие недостатки, — кто же против этого спорит? Но где — «здесь»? Где это «здесь», — вот в чем гвоздь вопроса.

На это нельзя было ответить с кондачка. И если оппозиция говорила: план, план, еще раз план и еще раз госплан, то большинство партии утверждало: основа — в неправильной политике цен и в отсутствии твердой валюты; сюда смотри, здесь чини, исправляй и улучшай таким образом смычку. Это и будет реальным продвижением к плану.

Эти вопросы мы рассмотрим более конкретно ниже. А тут мы приведем еще одно место из резолюции оппозиционных экономистов, которое чрезвычайно наглядно и выпукло обнаруживает их ошибку.

> «Резолюция (имеется в виду резолюция, предложенная Политбюро ЦК. **Н. Б.)** связывает возможность планового руководства с введением устойчивой валюты и, таким образом, отсрочку выполнения решений XII съезда (!! **Н. Б.)** объясняет необходимостью предварительно провести денежную реформу. Такая постановка неправильна и опасна, ибо вне общего и непрерывного согласования финансов с другими элементами государственного и народного хозяйства немыслимо обеспечить действительно устойчивое денежное обращение».

Как странно выглядят все представления о «плановом руководстве». Сперва — его полное отсутствие. Потом, как deus ex machina, — его полное наличие. Никаких ступеней. Все абсолютно, категорично, «жестко». Но, ведь, теории проверяются жизнью. Не так ли? Что же мы видим под этим углом зрения?

«Плановые» предположения оппозиции не были приняты. Был принят другой «план». И что же? У нас улучшилось положение дел и вообще в народном хозяйстве, у нас укрепилась и твердая валюта, т.-е. «действительно устойчивое денежное обращение».

Позвольте, но, ведь, оно было «немыслимо»?

Да, оно было бы «немыслимым», если бы была «мыслимой» предпосылка о правильности взглядов оппозиции.

«Устойчивое денежное обращение» делает, таким образом, абсолютно неустойчивой экономическую платформу оппозиции и опрокидывает ее без всякого труда «на обе лопатки».

Таким образом, ко всем оппозиционным рассуждениям о плане можно было бы поставить эпиграфом следующее место из Ленина:

«Суть дела в том, что у нас не умеют ставить вопроса и живую работу заменяют интеллигентским и бюрократическим прожектерством. У нас были и есть текущие продовольственные и топливные планы. Мы сделали явную ошибку и в тех и в других. Насчет этого не может быть двух мнений. Дельный экономист, вместо пустяковых тезисов, засядет за изучение отчетов, цифр, данных, проанализирует наш собственный практический опыт и скажет: ошибка там-то, исправлять ее надо так-то. Дельный администратор, на основании подобного изучения, предложит или сам проведет перемещение лиц, изменение отчетности, перестройку аппарата и т. п. Ни того ни другого делового и дельного подхода к единому хозяйственому плану у нас не видишь» (Собр. соч. т. XVIII, ч. I, стр. 86—87).

А в другом месте (в письме тов. Кржижановскому) тов. Ленин писал:

«О плане М. пишет вздор. С*а́*мая большая опасность (слушайте! **Н. Б.**) — это забюрократизировать дело с планом государственного хозяйства. Это — опасность великая. Ее не видит М. Очень боюсь, что, иначе подходя к делу, и вы не видите ее... Целый, цельный, настоящий план для нас теперь — „бюрократическая утопия“. Не гоняйтесь за ней» (Г. М. Кржижановский. «Товарообмен и плановая работа». М. 1924. Изд. Госплана, стр. 16).

Эти слова нужно будет помнить еще долгое время, чтобы избежать той «великой опасности», о которой говорил тов. Ленин.

4. ПОЛИТИКА ЦЕН.

Выше мы видели, что промышленность натолкнулась на слабость внутреннего, т.-е. в первую голову крестьянского, рынка (другой вопрос, а именно о ценах на продукты крестьянского хозяйства и экспорте хлеба, как методе «лечения», ясен и без дальнейшего анализа). Следовательно, нужно было «в первую голову» посмотреть,

в каком отношении стоят фактические цены к действительным нуждам промышленного развития. В дискуссии не раз при обсуждении вопроса о характере кризиса некоторые товарищи с возмущением протестовали против «кризиса перепроизводства». Какой, мол, кризис перепроизводства, когда крестьянин до зарезу нуждается в таких-то и таких-то товарах, но не может их купить!?. В резолюции «четырех евангелистов» кризис был охарактеризован, как кризис, который «в значительной мере является кризисом несогласованности и непредусмотрительности». Точно не всякий кризис является кризисом несогласованности. Точно, если бы была полная «согласованность» (т.-е. полная рационализация и всесторонний план), то можно было бы говорить о кризисах.

Эти протесты против «перепроизводства» основываются на весьма наивном представлении обо всем механизме рыночного хозяйства. Этак, ведь, нельзя было бы говорить и о кризисах перепроизводства во времена классического капитализма, ибо никогда насыщение продуктового спроса не являлось реальностью, и капитализм в этом смысле всегда не допроизводил. Когда речь идет о перепроизводстве, то всегда речь идет о платежеспособном спросе, всегда речь идет об определенных ценах. Только так и можно ставить вопрос. Но это, однако, не решает еще другого вопроса, а именно вопроса о строении цен в условиях монопольного хозяйства, о высоте картельной сверхприбыли, о возможности отказаться от части этой сверхприбыли или от всей сверхприбыли для того, чтобы ускорить товарооборот, расширить рынок и с этого конца вести политику промышленного подъема.

Этот вопрос в его общей формулировке был поставлен и проанализирован нами в статье, направленной против «основного закона социалистического накопления» тов. Е. А. Преображенского.

Поэтому повторять здесь всю аргументацию мы отнюдь не собираемся. Посмотрим лишь, как «подводили базу» экономические лидеры оппозиции против рекомендовавшейся Центральным Комитетом политики снижения цен.

Вот, напр., теоретическая предпосылка тов. Преображенского:

«Мы не должны, товарищи, — усовещевал партию тов. Преображенский, — принижать теорию в нашей партии, и поэтому мы, вступившие в эпоху строительства социализма, должны осмыслить все тенденции в нашем хозяйстве, которые перед нами проходят... Уже теперь, на опыте нашего советского хозяйства, мы можем констатировать различие между законами социалистического накопления и законами капиталистического накопления. Сущность капиталистического накопления заключалась в том, что каждое отдельное предприятие, более крупное, технически более высокое, в конкурентной борьбе побивало ремесло и кустарную промышленность. И потребитель-покупатель решал судьбы того и другого способа производства, покупая более дешевые товары. Это происходило в обстановке чаще всего манчестерского отношения государства к этому процессу, хотя оно и поддерживало в других формах промышленность.

«У нас, товарищи, другое положение. Наши отдельные предприятия, даже отдельные тресты, в обстановке чисто конкурентной борьбы могут подвергаться всем опасностям постепенного их перерождения и рассасывания в предприятия капиталистической формы. И их сила не в том заключается, что они таким путем (т.-е. путем конкуренции и дешевых цен, очевидно. **Н. Б.**) могут одержать победу, а в том, что все государственное хозяйство, весь его комплекс будет выступать, как единое целое. И весь в целом окажется сильней нэпа» (Протоколы XIII конф., стр. 34; вся разрядка наша. **Н. Б.**).

Как тут все «ядовито»! Даже «манчестерское отношение государства» припущено для тех, кто не согласен с точкой зрения тов. Преображенского.

В чем чудовищность его положения? Да в том, что он противопоставляет «плановость», т.-е. относительное единство нашего государственно-хозяйственного комплекса, политике дешевых цен. Вот что странно, вот что действительно чудовищно.

Вместо того, чтобы рассуждать:

так как наша социалистическая промышленность имеет преимущество перед капиталистической, ибо она выступает или может выступать относительно сжатым, единым кулаком, то нам нужно использовать это обстоятельство для всемерного удешевления товаров, чтобы этой дешевизной бить частного промышленника, торговца и т. п., —

вместо этого тов. Преображенский разводит такую «теорию»:

так как частный капиталист действовал враздробь, конкурировал, бил конкурента, завоевывал покупателя дешевой ценой;

и так как у нас не должно быть индивидуализма, манчестерства и проч., то... давайте продавать бе дешево, — это, ведь, капиталистический метод.

Ну, и логика! Ну, и «метод»! Ну, и понимание задач социалистического пролетариата!

Оппозиция не только не видела того, что нужно было видеть: она упиралась, когда ее толкали на правильный путь. Суверенное презрение к крестьянскому хозяйству приводило к тому, что люди не могли «заметить» такого реального «слона» экономической политики, как возможность и необходимость снижения цен, без которого нельзя было приступить к оздоровлению промышленности по-настоящему.

Любопытна дальнейшая аргументация тов. Преображенского. На той же XIII конференции он говорил:

«Мы получаем ценности извне путем прямых налогов или путем определенной политики цен. Каждый, конечно, скажет, что путь прямых налогов — путь наиболее опасный, который ведет к размычке с крестьянством. Возьмем конкретный пример: если крестьянство дает возможность накопить 300 милл. путем налогов и, допустим, 200 милл. путем получения прибыли от госпромышленности, то мы таким образом накопляем 500 мил.

«А не ясно ли, что, раз мы имеем эту сумму, как определенно данную сумму, не выгодней ли политически сделать так, чтобы крестьянство... дало 200 милл. путем налогов и 300 миллионов путем определенной политики цен» (стр. 35 протоколов).

Эта, на первый взгляд убедительная, арифметическая выкладка страдает, однако, тем «маленьким» недостатком, что она предполагает какие-то раз навсегда данные величины.

А не слышал ли тов. Преображенский, что можно выиграть на быстроте оборота?

А не вспомнит ли тов. Преображенский, что при более низких ценах, но большей массе продаваемых товаров (т.-е. при расширении рынка) можно получить бо́льшую сумму прибыли?

И где у тов. Преображенского хоть тень доказательства того, что быстрота оборота не может быть увеличена (что она «дана»), что количество сбываемых товаров останется тем же?

При такой простоте рассуждений, какая есть у тов. Преображенского, дело безвыходно. Но счастье в том, что одно дело — сознание оппозиционных экономистов, а другое — реальное бытие советской экономики. Тов. Преображенский находится в плену монополистских предрассудков, — вот в чем его беда.

А между тем, даже некоторые буржуазные экономисты видят, в чем суть проблемы. Так, например, в октябрьском № «Journal des Economistes» помещена статья Ива Гюйо (Yves Guyot. «L'augmentation du pouvoir d'achat par la baisse des prix») на тему об «увеличении покупательной силы путем низких цен», где этот либеральный автор выставляет положение (терминология не-марксова, разумеется), что «снижение (réduction) цены единиц (продукта) увеличивает их общую ценность (la valeur totale), потому что оно вызывает спрос» (стр. 144). В этом г. Гюйо видит настоящее завоевание рынков. Не скажет ли тов. Преображенский, что г. Гюйо стремится подкузьмить французских капиталистов?

Ускорение оборота, расширение рынка, на этой базе расширение производства, отсюда — возможность дальнейшего снижения цен, дальнейшего расширения рынка и т. д., — вот путь нашего производства. Эта политика для нас обязательна, ибо мы во что бы то ни стало должны осуществлять смычку с крестьянством. Эта политика для нас возможна именно потому, что мы имеем преимущество в относительной плановости нашего государственного хозяйства.

Тов. Пятаков на той же XIII конференции говорил:

«Вопрос о смычке есть в значительной мере вопрос о соотношении цен (слава те, господи! **Н. Б.**) . . . И вот как мы подходим к вопросу о регулировании цен. Это чрезвычайно показательный пример того, как не нужно вести наше государственное хозяйство. Мы думали (и в резолюции это сказано), что просто соответствующим распоряжением мы цены понизим, заставим тресты снизить накладные расходы, снизить прибыль, улучшить производство, — и цены падут. Я утверждаю, что так дело не выйдет, потому что дело не только в этом, а и в количестве товаров, поступающих на рынок . . .» (стр. 25).

Указывая на то, что частный торговец продает по дорогим розничным ценам, даже если отпускные цены трестов низки, тов. Пятаков делал такой вывод:

«Мы таким регулированием цен добьемся не смычки крестьянства с нашей промышленностью, а добьемся накопления частного капитала и смычки частного предпринимателя с крестьянством» (там же).

Если тов. Пятаков жаловался на малое количество товаров, то тов. В. М. Смирнов, в свою очередь, гневался на то, что к осени —

«резко зажали кредит и заставили наши торговые органы выбросить на рынок всю массу товара, которая скопилась за лето, выбросить как раз в тот момент, когда крестьянин сдавал максимальное количество сельско-хозяйственного налога» (Протоколы, стр. 70).

Итак, прежде всего вопрос о «количестве товара» и еще раз вопрос о характере кризиса.

Если говорить о потребностях крестьянского хозяйства, было резкое недопроизводство.

Если говорить с точки зрения платежеспособного спроса, то было перепроизводство.

Но как же кризис сбыта, так сказать, сам не повлек снижения цен?

А очень просто: в силу стопроцентной монополии в промышленности, которая имела до тех пор гарантированный государственный кредит и поэтому не имела достаточных стимулов к завоеванию рынка путем более дешевых цен.

Это привилегированное положение, уже породившее явления монополистского загнивания и застоя, и нашло своих апологетов в лице оппозиционных товарищей. Чтобы ликвидировать этот застой, нужно было разбить партийную оппозицию с ее цеховой и узкой точкой зрения, мешавшей заглянуть за пределы госхозяйства и, следовательно, вредной и для этого самого госхозяйства.

Довод о наживе частного капитала являлся уж поистине жалким софизмом, придуманным для того, чтобы не снижать цен. Ибо, именно исходя из того, что разницу может класть в карман частный «посредник», и нужно было расширять кооперативную агитацию и пропаганду, срывая маску с частного посредника, как с грабителя, хозяйственно его разоблачая и строя свою торговлю, укрепляя кооперативную и т. д. Только так и можно итти вперед. А бояться этой борьбы значит «волков бояться — в лес не ходить».

Ряд товарищей из оппозиции говорили, что из признания «перепроизводства» вытекает свертывание промышленности. Так было бы, если бы перепроизводство это не было связано с безумными ценами. Эту связь они упускали. Наоборот, совершенно правильная точка зрения ЦК, заставлявшая госпромышленность не жить на готовенькое, а зашевелиться и поискать рынка, привела к безусловному успеху. Сломлено было монополисткое чванство, которое социалистическую добродетель видело не в усилиях по улучшению смычки с крестьянином, а в административных прерогативах, позволяющих брать что угодно, как угодно, а в случае затора и торгового главзапора итти в госкассу и получать кредиты за заслуги перед социалистическим отечеством.

Практика всецело оправдала политику снижения цен. Товарооборот увеличился, промышленность сдвинулась с места, началась гораздо более быстрая мобилизация хозяйственных факторов, более интенсивное использование капитала, то-есть создались условия для дальнейшего развертывания производства. Насколько можно было с пользой для промышленности снизить цены, показывает следующая сравнительная табличка (см. таблицу на стр. 72).

Интересно отметить снижение цен на некоторые отдельные товары. Так, например, цена на гвозди была снижена на 47%, подошву — на 48, краски — 52, сукно тонкое — 61, махорку — 71, продукты шерстяной промышленности — 46,5.

Погибла при таком снижении цен наша промышленность? Ничего подобного. Она впервые стала быстро развертываться. Конечно, было бы нелепо приписывать это т о л ь к о снижению цен. Но эта политика безусловно дала

СНИЖЕНИЕ ОТПУСКНЫХ ЦЕН

с 1/X 1923 г. по 1/X 1924 г.—30—35%.

	Цены в % к довоенным.		
	1/X—23 г.	1/X—24 г.	Снижение в %%.
Кожевенная	322	218	33
Пищевая	325	211	35
Силик.-строит.	304	208	32
Металлическая	207	177	15[1]
Текстильная	271	177	35
Топливная	210	173	18
Электрическая	176	160	9
Бумажная	179	141	21
Химическая	175	124	29
Нефтяная	117	101	28
Вся промышленность.	247	177	29

толчок к б ы с т р о т е о б о р о т а, устранила застойно-гнетущий момент монополистского и з в р а щ е н и я экономической политики нашей государственной промышленности, помогала справиться с «кризисом сбыта». Уже после первых ударов по высоким ценам и провинциальные и московская биржи отметили оживление товарооборота. А к осени 1924 года предложение отставало от спроса.

[1] Или 30—35%, если учесть снижение цен в октябре и ноябре.

Развертывание товарооборота видно из следующей таблицы (по материалам ВСНХ).

ОБОРОТЫ СИНДИКАТОВ ПО ПРОДАЖЕ 1923/24 г.
(в тыс. рублей).

Наименование синдикатов.	I квартал.	II квартал.	III квартал.	IV квартал.	Всего.
ВТС	28.755,2	50.768,0	74.528,6	99.927,7	253.979,5
в %	100	176	259	347	
ВКС	9.166,9	9.941,0	11.014,0	14.407,9	44.529,8
в %	100	108	120	158	
Сольсиндикат	7.885,2	9.177,7	11.082,0	8.850,0	36.994,9
в %	100	116	140	112	
Нефтесинд. (керосин)	7.562,6	6.873,4	3.218,8	9.293,8	26.948,6
в %	100	90	42	123	
Продасиликат	3.156,8	33.51,1	3.954,4	4.972,6	15.434,9
в %	100	106	125	157	
Металлосиндикат	1.654,1	3.294,9	5.393,5	7.749,5	18.092,0
в %	100	193	326	468	
Сельмаш	281,4	2.690,3	964,1	776,6	4.712,4
в %	100	960	344	276	
Расмаслосиндикат	861,7	280,0	618,5	1.205,3	2.965,5
в %	100	32	71	140	
Махорочный	397,7	855,5	1.597,4	1.975,2	4.822,8
в %	100	217	405	501	
Спичечный	855,9	52,4	—	—	908,3
в %	100	6	—	—	
Жировой	121,3	426,4	377,0	664,0	1.588,7
в %	100	352	311	548	
Крахмалпатбюро	44,1	26,7	—	—	70,8
в %	100	60	—	—	
Консервбюро	31,4	—	—	—	31,4
в %	100	—	—	—	
Уралмет	11.061,5	11.895,7	18.106,7	17.590,1	58.654,0
в %	100	108	164	159	
Итого	71.832,8	99.633,1	130.855,0	167.412,7	469.732,6
в %	100	138	182	233	

При снижении цен на 30% продукция промышленности увеличилась с 1.191 миллиона довоенных рублей до 1.548 милл., т.-е. уже на 30%. При этом сдвинулась не только легкая промышленность, но стала подниматься и тяжелая, производящая в значительной мере основной капитал страны. Количество готовых хлопчатобумажных тканей (счет в продукте) увеличилось на 43,8%, железной руды — на 109,5%, чугуна — на 121,5%, стали — на 69,7%, проката — на 51,9% [1].

Это было сделано не «вопреки ЦК», а вопреки (в условном смысле) оппозиции, т.-е. при поддержке ЦК. Ибо его руководящее большинство видело проблему там, где ее нужно было видеть.

Теперь запоздало признается, кажется, почти всеми, что политика снижения цен дала сильнейший толчок и к реальному снижению себестоимости. В качестве иллюстрации этого процесса могут служить следующие цифры, взятые из области текстильной промышленности, где снижение цен было особенно значительно (разумеется, дело здесь не только в снижении цен, но никто не может оспаривать очень значительного влияния этого фактора).

Снижение себестоимости (за год) [2].

Хлопчатобумажн. промышл.	49%
Грубо-шерстяная »	40%
Тонко-суконная »	70%
Камвольная »	53%
Льняная »	50%

Этот процесс, в свою очередь, будет облегчать дальнейшее снижение цен и тем самым наиболее прочное завоевание рынка, в том числе и в первую очередь — рынка крестьянского. Используя все преимущества единства нашего государственного хозяйства, используя все возможности того (не абсолютного, не «цельного», не совершенного) плана, который у нас имеется, мы должны и на этой основе удешевлять себестоимость и понижать цены,

---

[1] «Предварительные итоги работы госпромышленности за 1923/24 операционный год». (Доп. к ежем. стат. бюлл. ЦОС ВСНХ, № 9).

[2] Цифры взяты из докладной записки ЦУГПРОМ'а председателю ВСНХ тов. Дзержинскому.

все мощнее и мощнее ускоряя товарооборот, все интенсивнее используя единицу капитала, все ускоряя темп хозяйственного взаимодействия между городом и деревней и *тем самым* укрепляя во много раз «смычку» между рабочим классом и крестьянством, а равно и развертывание нашей госпромышленности.

Нужно понять, что *наши* «казенные» фабрики и заводы не должны ни в коей мере страдать ни бюрократизмом «казенных заводов» буржуазного государства ни иметь *ограничивающие* рост производительных сил тенденции, что есть у монополистического *капитализма*. Ибо наша задача — максимум развития производительных сил, покрытие потребностей широких масс, неустанное стремление к развертыванию производства. В условиях рынка метод дешевых цен можно в такой же степени считать «буржуазным», как метод гражданской войны в условиях пролетарской революции.

5. ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА.

Выше мы видели, как обстояло дело у оппозиционных экономистов с денежной реформой. Они, по сути дела, отвергали денежную реформу, как *необходимую предпосылку нарастания «плановости» хозяйства*.

Такой она у них не являлась.

Если вдуматься в это обстоятельство и найти здесь самую глубокую причину такого отношения к делу, то и здесь обнаружится основной порок оппозиционной платформы: непонимание связи госпромышленности с крестьянским хозяйством. В самом деле, тут перед нами два момента:

Во-первых, *недооценка рынка*, типа рыночной связи и твердой валюты, как непременного условия здорового рыночного товарооборота, resp. товарного производства.

Во-вторых, желание, чтобы и *дальше нас «спасал» совзнак*. Это желание стоит, в свою очередь, в связи со всей теорией «социалистического накопления», развитой тов. Преображенским. Бумажно-денежная эмиссия есть, ведь, скрытый вид налогового обложения (кстати,

совершенно напрасно тов. Преображенский в «Вестнике Комм. Академии» утверждает, что эту истину он впервые открыл). А так как социалистическое накопление должно в значительнейшей мере (и это есть, по Преображенскому, основа политики) итти именно таким путем, а уж никак не через «буржуазные» дешевые цены, то появляется великий соблазн удержать этот милый, добрый совзнак.

Можно сказать, что оба эти пункта стоят в связи с некоторыми пережитками военного коммунизма, с непониманием специфических методов нашей политики в условиях товарного хозяйства, где быстрота оборота должна быть величиной, пренебрегать которой может только провинциальный скряга и скупердяй, а не расчетливый «хозяин».

Вся премудрость сводится здесь, следовательно, к такой вырисовывающейся «линии»: следует с денежной реформой потерпеть: государственное хозяйство вылезет на плане, ибо можно здесь прибегать к безденежному расчету, а с другой стороны — к расчету в червонцах; накопление же будет происходить за счет «третьих лиц»: 1) путем эмиссионного налога (для чего нужно сохранение совзнака), 2) путем политики высоких цен. Логика, правда — своеобразная, вскрывается, таким образом, и тут. И тут происходит «увязка» между общими взглядами на основы хозяйственной политики, с одной стороны, и частной проблемой, — в данном случае проблемой денежной реформы, — с другой. Если принять во внимание, что падение советского знака ударяло в первую очередь по крестьянскому хозяйству и благодаря своему общему воздействию (ибо советский знак гулял в деревне, а для крупных сделок уже был червонец), то картина становится еще более ясной и еще более яркой.

Таким образом, объективное положение и политика рабоче-крестьянского блока делали настоятельно необходимой денежную реформу, смелую попытку упорядочения денежного хозяйства. А в это время «плановая» логика оппозиционных товарищей тормозила проведение этой реформы и предрекала всяческие ужасы и напасти, если мы эту денежную реформу быстро и решительно стали бы проводить.

Следует вспомнить, как оценивал тов. Ленин вообще вопрос о стабилизации рубля. На IV конгрессе Коминтерна

(предпоследняя публичная речь Владимира Ильича) он говорил:

> «Что́ действительно важно, это вопрос стабилизации рубля. Над этим вопросом работают лучшие наши силы, и этой задаче мы приписываем решающее экономическое значение. Удастся нам на продолжительный срок, а впоследствии навсегда, стабилизировать этот рубль,— значит, мы выиграли» (Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 91).

Вл. Ильич говорил здесь о стабилизации соврубля. Вышло по-другому. Но это ни капли не опровергает ленинского утверждения. Для того, чтобы провести денежную реформу, требовалась, конечно, известная смелость: нужно было отгрызаться от «диктатуры промышленности», нужно было апеллировать к рабочим массам с призывом временно потерпеть, принести новую жертву, пока будет проходить наиболее острый период реформы. Если задача навязывалась всем ходом событий, то ее нужно было решить, и этой задаче, ее решению нужно было соподчинить все остальное. А наши оппоненты не только не понимали всей важности задачи, не только протестовали против подчинения ее решению решения других задач и проблем, но и идейно саботировали реформу, пугая партию и гибелью страны и гибелью червонца, тогда еще маленького и ходившего «под столом».

Уже на сессии союзного ЦИК, при обсуждении доклада наркомфина во фракции, тов. В. Смирнов говорил:

> «Когда, при таком тяжелом финансовом положении... наше денежное обращение стараются поставить на основу червонца, который нельзя эмиттировать произвольно... то это вызывает величайшее опасение... Когда осеннее оживление закончится... когда наступит обычное сжатие оборота, то оно прорвет тонкую оболочку советских знаков. Это будет критическим моментом для червонца» (Доклад тов. Кржижановского от Госплана о «проблеме ножниц» и прения по докладам Госплана, Наркомфина и ВСНХ на заседаниях фракции РКП (б) III сессии ЦИК Союза ССР, стр. 33).

11-го сентября 1923 года тов. Смирнов в записке, поданной в Политбюро, анализируя создавшееся положение, приходил к такому выводу:

> «Мы должны при таких обстоятельствах уже сейчас иметь в виду неизбежность ликвидации советского рубля и превращение банкноты в падающую валюту со всеми вытекающими отсюда последствиями».

В другой записке тот же товарищ говорит о катастрофической обстановке —

> «в ближайшее же время для нашего советского рубля, а в дальнейшем и для самой банкноты, что, — как об этом говорится в другом месте той же записки, — обозначало бы, конечно, величайшую катастрофу как для народного хозяйства вообще, так и для государственного бюджета в частности».

То же — в третьей записке тов. Смирнова. Словом, по всему фронту — «положение катастрофическое».

Основное соображение, которое выдвигалось, как деловой аргумент, товарищами из оппозиции, заключалось в том, что при бюджетном дефиците неизбежно придется прибегнуть к «ненормальной» эмиссии червонца и таким образом превратить его в новую падающую валюту, так сказать— «другой манеры». Это соображение, конечно, имело довольно крупный логический вес. Однако, оно имело сверхсильный логический вес только при некоторых оппозиционных предпосылках.

А именно: если справедливы были протесты против «диктатуры Наркомфина», т.-е. если справедливы были те, кто защищал «диктатуру промышленности» против «самодовлеющего», как это называл тов. Троцкий в своем первом письме членам ЦК и ЦКК, «характера нашей финансовой политики», — тогда, конечно, денежная реформа потерпела бы неизбежный крах.

Здесь нужно было, конечно, выбирать. Проведение денежной реформы предполагало «жесткий финансовый план», беспощадное «зарезывание» по отдельным сметам, сокращение до минимальнейшего минимума всех расходов и т. д. Против этого, естественно, поднимались протесты, как против финансового самоуправства. Но это «самоуправство» предполагалось, поскольку нужно было брать всерьез всю

денежную реформу. Ибо иначе действительно осуществилась бы та самая перспектива, которую предрекал тов. Смирнов, а равно и товарищи Преображенский, Пятаков и другие. (В связи с этим стоит и производный вопрос об активном балансе, который мы здесь отдельно не рассматриваем; достаточно указать, что протесты против активного баланса в известной степени были связаны со взглядами на денежную реформу).

И здесь практика показала, что товарищи из оппозиции, вульгарно выражаясь, «сели в калошу».

Уже на XIII конференции, где оппозиция вообще давала отбой (стоит вспомнить, что тов. Пятаков говорил здесь в общем о «правильной» экономической политике ЦК, тогда как в записке 46 эта политика выглядела «совсем наоборот»), тов. Преображенский поспешно отступал.

> «Мы в дискуссии,—говорил тов. Преображенский,— не выступали против финансовой реформы, ибо мы стихийно подошли к необходимости ее проведения» (Протоколы, стр. 37).

Не выступали против? А за выступали? А неизбежного провала не предрекали? А эти пророчества как можно было оценить? «Ни за, ни против»? Конечно, товарищи объективно были против реформы.

> «Еще летом, — продолжал тов. Преображенский, — ЦК был предупрежден целым рядом товарищей относительно того... что существование двух валют несовместимо, что червонец будет выпирать совзнаки, и мы можем стихийно (!) оказаться перед необходимостью перейти на твердую валюту тогда, когда у нас имеется бюджетный дефицит, что ставит под известный (!!) риск проведение реформы» (там же).

Дело, как видели читатели, шло тогда не об «известном риске», а о «величайшей катастрофе». А по существу: как же возможно было в тогдашних условиях добиться бездефицитного бюджета без жесткой финансовой политики, без преодоления кризиса, без начала оздоровления нашей промышленности и торговли? И как же можно было установить «нормальный» бездефицитный бюджет без проведения денежной реформы? «Ждать» тогда, когда мы подошли вплотную к новой размычке между городом и

деревней, это действительно означало бы загубить дело нашего хозяйственного возрождения наверняка.

Но тов. Преображенский еще на конференции все же не сдавался окончательно. Он еще утешал себя:

> «Может случиться, что события на нашем хозяйственном фронте развернутся таким образом, что мы выйдем из этого затруднения и мы избегнем всех подводных камней. В основном (!) же риск перехода на твердую валюту при дефиците в бюджете остается» (стр. 37).

И уж, конечно,

> «самый метод проведения денежной реформы показывает всю стихийность, бесплановость в нашем хозяйстве» (там же).

Теперь-то не осталось уж никакого утешения. Да не то что утешения, самого малюсенького утешеньица не осталось. Даже Уркарты, даже злейшие враги, «все отрицая», не могут отрицать успеха денежной реформы в нашем Союзе. Это теперь есть непререкаемый факт. Выходит так: «стихийная» политика ЦК привела к твердой валюте на деле, а «плановые» предсказания о катастрофе банкнот оказались настолько же верными, как и «плановые» предсказания о всеобщей гибели при поддержке «не сводящего концов с концами» Центрального Комитета нашей партии.

В самом деле, коротенькая цифровая справка скажет нам довольно много.

На апрель 1922 г. золотая ценность всех советских денег равнялась всего-на-всего 40 миллионам рублей. На 1-ое января 1924 г. было в обращении денег на 302 милл. рубл., на 1-ое октября — на 622 милл. рубл.[1]. На 11-ое декабря 1924 года эта сумма уже составляла 725 слишком миллионов[2].

Рост денежной массы, в связи с ростом товарооборота, указывает на резко выраженный процесс хозяйственного оздоровления. Покупательная сила рубля не падает, отношение его к доллару и золоту стабилизовано, червонец является «нормальной» валютой и «нормально» котируется на иностранных биржах, и т. д., и т. п.

---

[1] См. Сокольников. «Бюджет и валюта», изд. «Экон. Жизнь», 1924 г., стр. 52.

[2] Конъюнкт. бюлл. совета съездов, № 9.

Расширение товарооборота, в свою очередь, дает возможность расширять эмиссию без подрыва «твердости» валюты. Вместе с тем происходит изменение во всех порах хозяйственной жизни. В сфере *промышленности* появляется возможность калькуляции, вычисления себестоимости, прибыли, подведения балансов предприятия, смет, производственных программ и т. д.; исчезают потери на курсе, делается возможной действительная ориентация на хозяйственном поле; упорядочивается выплата зарплаты, и уничтожаются потери на курсе со стороны рабочих. В *крестьянском* производстве становится возможным точно так же учет всех факторов, дается стимул к расширению производства, ибо делается возможной дальнейшая «товаризация» крестьянского полунатурального хозяйства; крестьянство избавляется от эмиссионного налога. В сфере *обращения* перекидывается мост между городом и деревней. Впервые создается возможность нормального *кредита* всех видов и сортов; становится возможной деятельность *банков* и даже использование частно-капиталистических вкладов; подводится основа под будущие вклады со стороны крестьянства и форсирование процесса накопления под руководством пролетарского государства. Наконец, упорядочивается наш *государственный бюджет*.

В другой связи, при обсуждении вопроса о «плане», мы указывали уже на громаднейшую роль нормализации нашего *государственного бюджета*; именно потому, что у нас *особое* строение государственного бюджета, он и представляет своего рода центральную бухгалтерию народного хозяйства. До того времени, как мы не имели упорядоченного госбюджета (а мы его не могли иметь без проведения денежной реформы), нечего было и думать о действительном плане даже в том условном смысле, в каком мы его принимаем. Ибо, какие бы производственные программы ни принимались, как бы они ни «увязывались» друг с другом, они неизбежно должны были «лететь», ибо их опрокидывал стихийный развал денежной системы.

Так мы, вопреки оппозиции, *устанавливая смычку с крестьянством, тем самым сделали и дальнейший шаг к плановому хозяйству.*

6. СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ НАКОПЛЕНИЕ И БОРЬБА С ЧАСТНЫМ КАПИТАЛОМ.

При рассмотрении споров о политике цен мы уже касались отчасти и разногласий по вопросу о социалистическом накоплении. С другой стороны, этой же проблемы мы касались в статье, направленной против «основного закона социалистического накопления» тов. Е. А. Преображенского. Этот вопрос теперь практически стоит не только в связи с политикой цен, но и в связи с проблемой основного капитала. Нетрудно видеть, что все эти проблемы связаны одна с другой и их решение будет различно, если будут различны общие исходные взгляды на соотношение между государственным хозяйством и хозяйством индивидуально-крестьянским. Не подлежит сомнению, что в известной мере промышленность должна быть поддержана общегосударственной казной. Но даже если отвлечься от того, в какой мере это должно происходить, есть здесь основной спор о стержне нашей промышленной политики. Перед нами два метода социалистического накопления: оппозицонный и ортодоксальный. Здесь нам, прежде всего, и хочется дать их характеристику, ибо эти «методы» и выражают собой две политические линии. Можно сказать, что:

1) оппозиция, в общем, ориентировалась на высокую прибыль на единицу товара; ЦК, наоборот, ориентировался на минимальную прибыль на единицу товара, что при расширении рынка дает бо́льшую сумму прибыли в целом;

2) то же можно выразить и так: оппозиция ставила свою ставку на картельную сверхприбыль, тогда как ЦК заботился о низкой цене и расширении емкости крестьянского рынка;

3) то же самое можно формулировать еще иначе, а именно: можно сказать, что оппозиционная политика есть политика, переносящая центр тяжести на монополистско-государственную поддержку за счет, вместо мобилизации всех хозяйственных факторов, технических улучшений, развития производительных сил, тогда как позиция ЦК смотрела в первую голову именно сюда;

4) в области финансирования у оппозиции центр тяжести в государственных дотациях, у ЦК в переходе на банковый кредит;

5) у оппозиции ставка на возможность немедленно заполучить куш для промышленности на основе высоких цен; у ЦК — ставка на мобилизацию хозяйственных факторов, на быстроту оборота, на интенсивность использования капитала.

В этом разница двух «промышленных политик», которые боролись в прошлогодней дискуссии. Часто определяли, что оппозиция стояла за высокую прибыль и за быстрый темп социалистического накопления, тогда как ЦК был за минимальную прибыль и за медленный темп социалистического накопления. Эти ходячие формулировки страдали тем недостатком, что они были и верны и неверны: они были вульгарны, ибо не выражали сути дела, оставаясь лишь на поверхности явлений и рассматривая лишь то, что находится непосредственно под самым носом. ЦК стоял не вообще за минимальную прибыль, а за минимальную прибыль на единицу товара. ЦК стоял не вообще за медленный темп накопления, а за то, чтобы не отрываться от крестьянского хозяйства и в конечном счете получить более быстрый, максимально быстрый темп накопления.

Люди часто не отдают себе отчета в том, что задача стоит отнюдь не под углом зрения одного оборота капитала, а о ряде лет и целой цепи капитальных оборотов, где один оборот общественного капитала, или совокупного капитала госпромышленности, есть лишь звено этой цепи. Люди не понимают часто и того, что время оборота капитала, которое есть сумма «времени производства» и «времени обращения», не есть какая-то определенная, заранее данная, навек установленная величина. А из непонимания этих обстоятельств вытекает совершенно неправильное представление о мероприятиях, обеспечивающих, так сказать, оптимум социалистического накопления. Если мы набираем высокую прибыль за счет высоких картельных цен и в то же время сокращаем емкость внутреннего рынка или тормозим его развитие; если мы тем самым тормозим ускорение оборота капитала или даже замедляем этот оборот (скажем: удлиняем время обращения, когда товар дольше, чем нужно, лежит на складах, ждет покупателя, увеличивает «издержки

хранения» и т. д.); если мы опять-таки тем самым уменьшаем энергию, направленную на техническое улучшение и на поиски разнообразных методов снижения себестоимости,—то в конечном счете, как много ни загребли бы в начальную фазу наших экономических выступлений, мы бы проиграли, ибо темп накопления неизбежно бы замедлился. Наоборот, если мы берем на единицу товара меньше, но зато расширяем из года в год емкость крестьянского рынка, обратно влияющего на производство; если мы, беря меньше, в то же время всемерно ускоряем оборот капитала, сокращая и «время производства» и «время обращения»; если мы ускоряем таким путем взаимное влияние города и деревни, госпромышленности и сельского хозяйства, социалистической индустрии и крестьянского хозяйства, то, идя вначале медленнее, мы с лихвой догоняем, перегоняем и оставляем далеко позади тот темп накопления, который предполагается первым («оппозиционным») вариантом нашей экономической политики. Но для того, чтобы увидеть это, нужно смотреть дальше своего носа, что не всякий, ведь, может. И нужно при этом выйти из своей «промышленной» скорлупы и видеть элементы всего народного хозяйства и в их связи и взаимозависимости и в их взаимно обусловленном движении.

Эту мысль, в иной форме, выражал Ленин, когда на XI съезде нашей партии говорил:

> «Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда **ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем.** Это, по-моему, первый основной политический урок новой экономической политики» (т. XVIII, ч. 2, стр. 29—30).

Разве это не есть политическое выражение тех экономических положений, которые защищал, по сути дела, ЦК в прошлогодней дискуссии?

Так обстоит дело с темпом «накопления». В связи с этим вопросом стоит и вопрос о воспроизводстве основного капитала. И здесь прошлогодние споры уже прямо и

непосредственно смыкаются с вопросами очередной практики текущего дня.

Но любопытно, что и тут мысль товарищей из оппозиции часто сбивается, путается, спотыкается «на эфтом самом месте».

Тов. Пятаков, напр., так формулирует общие рамки процесса восстановления основного капитала:

> «Скажу заранее: совершенно гладкое решение этого вопроса мы едва ли найдем, или, вернее, вполне гладкое решение го лежит в другой плоскости — в плоскости включения СССР в социалистическое хозяйство всего мира. При условии господства капитализма в других странах, для нас остается только весьма тяжелое, трудное, полное внутренних противоречий решение поставленной проблемы своими средствами, своими силами» (Ю. Пятаков. «К вопросу о воспроизводстве основного капитала», стр. 5. «Проблема основного капитала», сборник статей, изд. ВСНХ).

Что у нас решение проблемы будет трудным и далеко не гладким, — это верно. Но замечательная мысль, что при включении в социалистическую систему всего (обязательно сразу всего) мира дело будет совсем, совсем гладко, — эта мысль вполне соответственна теории перманентной революции тов. Троцкого, который решает, что «в мировом масштабе» противоречия между рабочим классом и крестьянством сразу исчезают (см. нашу статью о теории перманентной революции).

Что-либо одно из двух: или речь идет об укрепившейся социалистической «системе» «всего мира», — тогда самая проблема исчезает, ибо само «укрепление» предполагает, что эта проблема в общем уже решена; или речь идет о периоде, близком к захвату власти, т.-е. о периоде «молодой» диктатуры. Но тогда (т.-е. когда проблема действительно еще возможна) нужно было бы задуматься и о самой «загранице». А там, для нее, этот вопрос не будет стоять? А там не произошло разрушения основного капитала? А там не будет еще добавочного разрушения в периоде гражданской войны?

Как тов. Троцкий по социально-классовой линии не додумывал вопроса до конца, так и тов. Пятаков откладывает вопрос, а не решает его, ибо всякому,

ведь, ясно, что смешно говорить о «гладком», да еще «вполне», решении вопроса, как только упоминаешь о «мировом масштабе».

«Провал» в процессе воспроизводства основного капитала был и у нас и, в меньшей мере, за границей. И «загранице» этот вопрос приходится решать. Упускать это — значит, действительно, витать в эмпиреях и прибегать к абстракциям от таких вещей, от которых никак не «абстрагируешься».

А все-таки социалистическая «заграница» нам помогла бы, — это не подлежит никакому сомнению. В чем основа этой помощи? В чем основа перспективы ускоренного роста социалистического европейско-азиатского (а может-быть и мирового) хозяйства? В том, что будет более тесная смычка между теми, объективно дополняющими друг друга хозяйственными частями, которые были разделены, разгорожены буржуазным способом производства и его государственными организациями. Ускорение, облегчение обмена веществ, возможность ускорения экономического оборота, — вот на этом мы догоним старое, и перегоним его, и пойдем все быстрее и быстрее к мощному развитию производительных сил. Этому будут в высокой мере помогать элементы планового хозяйства, и, в свою очередь, это будет помогать росту плана и рациональных элементов хозяйственного процесса.

Но — увы! — до самого последнего времени оппозиционные товарищи не понимали именно этой стороны дела.

Характерно, что тов. Пятаков берет всю проблему чисто-статически.

У него есть четыре «мыслимых источника пополнения недостающей (ибо не производившейся; основной капитал, как известно, «проедался» в годы войны и революции. **Н. Б.)** ценности»:

«1) Накопление амортизационных фондов на основе отчислений, не переходящих уровня обычной амортизации основного капитала.

«2) Усиление производства и накопление прибавочной стоимости рабочего.

«3) Присвоение прибавочной стоимости крестьянина.

«4) Иностранный заем» (там же, стр. 7).

Другой оппозиционный хозяйственник, тов. И. Бык, присоединяясь к этим «четырем источникам», присовокупляет тут же:

«Но совершенно прав тов. Преображенский, что у нас эти источники могут быть меньше всего на производственной основе (автор, очевидно, хочет сказать: «на производственной основе государственной промышленности». **Н. Б.**) и больше всего (разрядка автора. **Н. Б.**) вне комплекса производственного процесса» (опять та же чудовищная терминология, за которую мы, разумеется, не отвечаем. **Н. Б.**) (тот же сборник: И. Бык, «Контроль над фондом амортизации»).

Ни слова о быстроте оборота! Ни слова о более интенсивном использовании единицы капитала! Ни слова о самой важной, исключительно важной проблеме! Даже то, что социалистическая промышленность получает и будет получать со стороны, должно употребляться под углом зрения интенсификации использования капитала. Но авторы даже не замечают этой центральной проблемы!

Еще бы им заметить, раз у них — царство статики и изолированной промышленности. Они, черпая из «другого источника», и не подумают о том, что и этот «источник» нужно оживлять, что речь идет о взаимооплодотворении, и притом нарастающем, а не о простом дележе. Их точка зрения, практически вредная, целиком вытекает из их общей позиции. Удивительно, как до сих пор они этого не видят!

Ради справедливости, а также ради некоторого теоретического «профита», мы должны все же с радостью отметить, что наш друг Пятаков все же начал как будто — наконец! — подходить к проблеме, которая для него сняла, по крайней мере, свою «шапку-невидимку».

Перед нами — стенограмма доклада тов. Пятакова на пленуме президиумов ВСНХ республик и областных промбюро. И вы знаете, читатель, к какому «основному выводу» приходит тов. Пятаков «на основании почти годового анализа»?

Этот «основной вывод» (основной — не оставьте этого без внимания! **Н. Б.**) состоит в том, что у нас еще «очень и очень много» «скрытых резервов».

«Первый резерв — это так называемые неликвидные средства наших госпредприятий, и второй резерв — это есть недостаточная скорость оборота нашего капитала».

Вот уж поистине «лучше поздно, чем никогда».

Тов. Пятаков приводит следующие иллюстрационные данные по поводу неликвидных оборотных средств:

По угольной	пром,	общ,	сумма	оборотн.	средств	29	милл.	р.,	живых	17	милл.	р.
» нефтяной	»	»	»	»	»	157	»	»	»	82	»	»
» электрот.	»	»	»	»	»	64	»	»	»	21	»	»
» лесной	»	»	»	»	»	43	»	»	»	16	»	»
» бумажной	»	»	»	»	»	18	»	»	»	16	»	»
» резиновой	»	»	»	»	»	52	»	»	»	32	»	»

и т. д.

По всей пром. общ. сумма оборотн. средств 1.012 милл. р., живых 737 милл. р.

Теперь посмотрите, что говорит тов. Пятаков о быстроте оборота. Посмотрим и послушаем:

«Второй момент, на который наши хозяйственники (гм! гм! опять-таки: лучше поздно, чем никогда! **Н. Б.**) почти не обращают внимания... это вопрос скорости оборотов нашего капитала... Я имею в виду не бумажный оборот капитала, а материальное движение самих ценностей, превращение ценностей из денег в средства производства, в рабочую силу, в готовые товары и превращение обратно в деньги. Этот период и скорость превращения денег обратно в деньги у нас недостаточно учитываются...

«Какого мы достигли успеха за этот год? (Это вместо гибели-то! **Н. Б.**). В прошлом мы имели скорость по всему хлопчатобум. тресту 1,53, т.-е. капитал треста обращается в год 1,53 раза. В этом году мы достигли скорости оборота 1,85. Кажется — успех ничтожный: повышение скорости с 1,53 до 1,85. Какие это дает результаты?.. Я произвел соответствующий подсчет, который дал мне следующее: благодаря увеличению скорости оборота с 1,53 до 1,85 мы получаем прирост продукции... на 113 милл. рублей..., т.-е. мы

фактически выиграли оборотный капитал в 75 милл. руб.».

Все это как нельзя более справедливо. Все это действительно важнейший вопрос. Все это, разумеется, ближайшим образом относится и к проблеме восстановления основного капитала.

Но... но все это блестящим образом бьет по основам «позиции оппозиции». Все это подтверждает правильность политики ЦК, «не сводящего концов с концами». Ибо на самом деле, кто не сводит концов с концами, так это именно тов. Пятаков.

Плод годичных размышлений Пятакова, — что быстрота оборота имеет решающее значение. Но вот оказывается, что до сих пор на этот основной вопрос «наши хозяйственники не обращают внимания».

Почему «не обращают внимания»?

Почему сам тов. Пятаков еще совсем недавно, в своей статье «К вопросу о воспроизводстве основного капитала», статье, так сказать, теоретическо-программной, тоже даже не заикнулся об этом результате «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет»?

Где корень такой слепоты многих «хозяйственников»? Нут-ка, поразмыслите, дорогие товарищи!

После всего нашего (не годового, впрочем) анализа нетрудно формулировать, где оный корень обретается: он в цеховой, узкопромышленной ориентации, которая мешает своим носителям выглянуть за промышленную околицу и которая делает для них непонятной как раз ту самую проблему смычки, о которой сейчас распинаются все, кому не лень.

Потому многие хозяйственники «не обращают внимания», что они не понимают соотношения между промышленностью и крестьянским хозяйством, полагаются излишне на казну и на свою монополию. Только разрыв с цеховой и ограниченной идеологией позволит им понять кое-что другое. Но прошлогодний кризис, связанный со стараниями «по части цен», все же «вдалбливает диалектику» и в головы «некоторых хозяйственников»...

Общий подъем нашего народного хозяйства и нашего государственно-социалистического про-

мышленного ядра дал возможность продвинуть, в свою очередь, и нашу торговлю и кооперацию. Этим самым в значительной мере определилась и борьба с частным капиталом, который, как известно, является в главнейшей своей массе капиталом торговым.

В оборотах Московской товарной биржи по продаже роль частного капитала упала с 12,2% от общего оборота (октябрь 1923 г.) до 5,5% (август 1924 г.). По покупке соответствующие цифры будут для октября — 20%, для августа 1924 г. — 10,7%.

По 70 провинциальным биржам:

по продажам роль частного капитала за тот же промежуток времени упала с 13,5% до 7,1%;

по покупкам — с 17,2% до 10,1%[1].

Ту же картину вытеснения частного капитала рисуют и данные о кредитовании (см. таблицу на стр. 91).

Подчеркнутые цифры о «частных лицах» говорят сами за себя.

Вряд ли найдется сейчас товарищ, который всерьез может утверждать, что частный капитал занял, по сравнению с прошлым годом, относительно более твердую позицию. И тут пророчества оппозиции оказались столь же удачными, как и во всех прочих областях. Практика истекшего года говорит скорее о том, что кое-где был перегиб в сторону излишнего «ущемления» частного капитала, когда от этого «излишества» получалась брешь, не заполняемая нашей госторговлей и кооперацией, а частный капитал частично перешел в области чисто-спекулятивного характера и бросился на хлебные и сырьевые заготовки. Но это указывает уже на проблему совсем иного порядка. Основной урок и здесь говорит о необходимости сократить административное усердие и центр тяжести перенести в область экономического воздействия.

---

[1] Внутр. торг. СССР в 1922/23 и 1923/24 опер. годах. Сб. стат. мат. к докл. о внутр. торг. на II сессии ЦИК СССР. Изд. Наркомвнуторга, 1924 г., стр. 27, 28, 30.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗАДОЛЖЕННОСТИ ПО ОСНОВНЫМ ГРУППАМ ЗАЕМЩИКОВ ПО 4 БАНКАМ [1].

(Госбанк, Промбанк, Роскомбанк и Мосгорбанк).

	1 октября 1923 г.			1 сентября 1924 г.		
	в тыс. руб.	в % к итогу	в % к сумме на 1 окт.	в тыс. руб.	в % к итогу	в % к сумме на 1 окт.
Госпромышленность	155.565	46,6	100	391.995	54	252
Госторговля	36.753	11	100	75.860	10,4	206,4
Прочие госорганы	14.531	4,3	100	32.380	4,5	222,8
Кооперация	58.853	17,6	100	112.197	15,5	190,6
Кредитные учреждения . .	21.766	6,5	100	56.269	7,7	258,5
Частные лица.	26.963	8,1	100	10.373	1,4	38,5
Не распределено по видам клиентуры	19.704	5,9	100	47.259	6,5	239,9
Итого . . .	334,135	100	100	726.333	100	217,4

* * *

Мы подошли к концу нашего разбора экономической платформы оппозиции. Как видим, отдельные моменты этой платформы вовсе не являются — и не являлись — более или менее «случайными» поправками, которые вызываются теми или иными конкретными ошибками, сделанными руководящими партийными инстанциями. Ибо во всех «поправках» оппозиции звучит одна и та же нота, видна одна и та же линия. Вскрыть эту линию, обнаружить ее, показать

[1] Совет госпромышленности и торговли в 1924 г. Отчетный сборник к пленуму Совета 10 дек. 1924 г., стр. 146—147.

ее всем читателям — и было основной задачей этой статьи. Но мы старались не только показать эту линию, но и доказать как неправильность этой линии вообще, так и тех выводов, которые из нее делаются.

Из всего вышесказанного вытекает с неизбежностью, что оппозиция и здесь обнаруживала непонимание самой основной проблемы нашего строительства, проблемы рабоче-крестьянского блока. А это и есть основной порок всего троцкизма.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие 3

Новое откровение о советской экономике, или как можно погубить рабоче-крестьянский блок 7

К критике экономической платформы оппозиции . . . 44

Рабочее Издательство „ПРИБОЙ“.

Ленинград, Проспект 25 Октября, дом № 52.
Правление и Редакция: . . . . Тел. 524-36 и 619-60.
Торговый Сектор: . . . . Тел. 217-79 и 545-77.
МОСКОВСК. ОТД.: Москва, Лубянск. пасс., пом. 46—49. Тел. 2-24-09.

КАРЛ МАРКС

ТЕОРИЯ ПРИБАВОЧНОЙ ЦЕННОСТИ

Том I

ЗАЧАТКИ ТЕОРИИ ПРИБАВОЧНОЙ ЦЕННОСТИ
ДО АДАМА СМИТА ВКЛЮЧИТЕЛЬНО

Стр. 280 . . . . Ц. 1 р. 75 к.

Том II, ч. 1

ДАВИД РИКАРДО

Стр. 227 . . . . Ц. 1 р. 50 к.

Том II, ч. 2

ДАВИД РИКАРДО

Стр. 238 . . . . Ц. 1 р. 50 к.

Том III

ОТ РИКАРДО К ВУЛЬГАРНОЙ ЭКОНОМИИ

Стр. 408 . . . . Ц. 2 р.

РИКАРДО, ДАВИД

ПРИНЦИПЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Стр. 198 . . . . Ц. 1 р. 20 к.

СМИТ, АДАМ

ИССЛЕДОВАНИЕ О БОГАТСТВЕ НАРОДОВ

Стр. 218 . . . . Ц. 1 р. 50 к.

ЛЮКСЕМБУРГ, Р.

ВВЕДЕНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЭКОНОМИЮ

Стр. 128 . . . . Ц. 1 р. 25 к.

Цена 35 коп. 24636

